

Рос 4-4
1-624

№ 58.

ОКТАБРЬ 1924 года.

Цена 15 центов.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
- ДУХ СОЗДАЮЩІЙ.

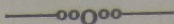

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

25-ти летний юбилей "Ф. А. Ш."
Индивидуализм и коммунизм в учении анархизма.
Ничьи вещи.
К вопросу о "постепенном" осуществлении революции.
Наши недостатки.
Этюды о классовой природе интеллигенции.
Я в груди затаил... (Стихотворение).
Анархизм и этика.
Материалы по изучению революционного движ. в России.
Бюллетень Об'ед. Комитета Защ. револ. заключ. в России.
Ко всем читателям журнала "Волна".
Отчет федеративного секретаря.

Ко всем читателям журнала «В о л н а».

Дорогие товарищи!

В тяжелую, кошмарную годину появился первый номер журнала "Волна" — в годину полнейшего произвола и ужаснейшей реакции, когда либо имевшей место в истории Соединенных Штатов.

В то неблагоприятное время, когда казалось все было разрушено, все уничтожено под ударами палмеровских хулиганов, некоторые товарищи, несмотря на все опасности и трудности, рискуя жизнью и свободой, приступили к изданию журнала.

И вот уже пятый год "Волна" неустанно движает устой современного рабско-властнического строя, несет свет и знание в гущу народных масс, сеет семена истины и зовет угнетенных и обездоленных на борьбу со своими угнетателями за лучший мир, за идеал Анархического Коммунизма.

За это время немало, конечно, пришлось пережить трудностей, немало препятствий пришлось встретить на пути аккуратного, регулярно выпуска журнала. Если есть литературные силы, нет средств на издание, и наоборот. Все это ложилось тяжелым камнем на нашу работу и только благодаря усилиям и преданности товарищей, всегда во-время приходивших на выручку в критические минуты, журнал мог выйти в 57-й раз.

Однако все эти трудности далеко не изжиты и теперь. В номере 57 в финансовом отчете значится большая сумма дефицита, которую необходимо и должно собрать немедленно, иначе очередному выходу номера грозит задержка. Балтиморская группа анархистов-коммунистов обсуждая такое положение журнала, спешит на помощь, присылкой 25 долларов.

Товарищи, читатели журнала! Следует нашему примеру. Спешите на выручку своему борцу в годину его изнеможения! Не дайте угаснуть факелу освещающему путь к анархии!

Не допустите, чтобы журнал приостановился и не вышел в свое время! Спешите, как это вы делали и до сих пор. От вашей воли, от вашего усердия и преданности зависит судьба журнала!

К делу, товарищи, все к делу! Обсудите этот вопрос и действуйте немедленно!

С братским приветом Группа
Анархо-Коммунистов г. Балтимор, Мд.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВНОГО СЕКРЕТАРЯ ОТ 1 СЕНТЯБРЯ ПО 1 ОКТЯБРЯ 1924 ГОДА.

ПРИХОД:

За журнал "В".

Юл — тон	5.40
Пи — тон	8.00
Ч — го	8.00
Аргент. "Г. Т."	21.00
Н. Г.	6.15
М — ден	2.70
Гр — ят	1.50
Н. К.	9.00
П — ды	3.00
Н. И.	6.30

Итого — 71.05

РАСХОД:

Выпуск журнала № 57	159.00
Рассылка	15.87
Мелкие	2.00

Итого — 176.87

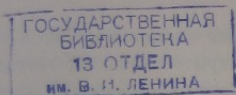
Дефицит — 105.82

Дефицит с прошлого месяца — 95.15

Всего дефицита — 200.97

А 1724

Рос 4-4
1-624

64-185

25-ти ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ «Ф. А. Ш.».

Еврейская анархистская еженедельная газета в Нью Йорке "Freie Arbeiter Stimme" ("Свободный Голос Рабочего") 4 минувшего октября отпраздновала 25-ти летний юбилей своего существования.

Четвертьвековой юбилей анархистской газеты — явление довольно таки редкое и казалось бы ободряющее и возбуждающее большие надежды на будущее газеты.

В самом же деле, кто хотя немного знаком с прошлым и настоящим газеты, тот невольно должен призадуматься над тем, как и тот Кольцовский пропойца-мушкетер, — "чем ты был, что ты стал и что есть у тебя?".

"Ф. А. Ш.", в свою раннюю пору существования оставалась верной лучшим традициям революционного идеализма и чемпионом угнетенных, обиженных и обманутых еврейских рабочих масс. "Ф. А. Ш." в этот славный период была грозой, наводившей ужас, страх и трепет на всех науков, обирателей и разных жуликов, ловивших рыбку в мутной водичке еврейской колонии.

И за свое бескорыстие и бесстрашие в борьбе со всеми злыми силами "Ф. А. Ш." пользовалась со стороны трудящихся заслуженным уважением и доверием. Влияние это начало, однако, падать по мере того, как все возматывавшая еврейская колония крепла экономически и лучше приспособлялась к капиталистическим условиям жизни.

Главный нерв еврейского анархического движения — интеллигенция — превратилась в докторов, адвокатов, английских журналистов или лидеров тред-юнионного движения и, почувствовав себя вполне независимой и обеспеченной, утратила всякую связь с анархическим движением.

Отход еврейской интеллигенции от безвластного движения разлагающим образом отразился на этом последнем. Группы и организации распадалась, и от прежнего большого еврей-

ского анархистского движения к началу 1907 года осталось одно воспоминание.

Еврейское рабочее движение, между тем, пошло по линии наименьшего сопротивления, находя свое выражение в тред-юнионистских организациях, подпавших всецело под влияние еврейских социалистов, сгруппировавшихся вокруг созданной ими на средства юнионов большой ежедневной газеты "Форвард", владеющей в настоящее время миллионным состоянием.

Короче говоря, еврейские социалисты одержали верх над анархистами. Орган первых начал выходить ежедневно и достиг колоссальной циркуляции, орган же анархистов оттеснили на самый край и за эти 25 лет он принужден был оставаться на своем скромном месте и не мог вырасти в ежедневную газету, несмотря на многочисленность еврейской колонии.

* * *

В 1907 году, по мысли редактора С. Яновского, газета "Ф. А. Ш." перешла в частную собственность организованной им ассоциации, которая составила из нескольких его сторонников. Еврейское анархистское движение к этому времени настолько ослабло, что не могло уже финансировать издание газеты, и поэтому надо было искать новых источников дохода.

С этого момента и начинается грехопадение "Ф. А. Ш.". Газета связывает свою судьбу с тред-юнионистским движением и, соответственно требованиям этого движения, вырабатывает свою линию поведения часто в явный ущерб своим анархистским принципам. Так как в тред-юнионах все решается и проводится сверху вниз и по команде лидеров, то "Ф. А. Ш." приходится всегда попадать в такт и тон этим решениям и распоряжениям юнионных вождей, за что последние не оставляют в обиду услужливую газетку и бросают ей жирные куски в виде объявлений и пожертвований на издание.

Еще покойный проф. Исаак Гурвич, организовавший локал № 1 Дамских Портных и пре-

данный "Ф. А. Ш." и "Форвардом", справедливо заметил, что "Ф. А. Ш." является не чем иным, как еженедельным изданием "Форварда".

Самый мрачный период существования "Ф. А. Ш." начинается со времени объявления мировой войны. Ее редактор Яновский позирует в роли ярого противника войны, но эта крайняя "непримиримость" сменяется другой постыдной и недопустимой крайностью — патриотическим услужничеством американскому правительству с объявлением им войны Германии.

В своем угодничестве американскому правительству С. Яновский докатился до агитации за покупку бондов военного займа, и в конце концов свою карьеру закончил переходом на службу в Союз Дамских Портных, где его устроили в качестве редактора еженедельной юнионной газеты "Справедливость" с окладом жалованья в 125 долл. в неделю (хорошая "справедливость", нечего сказать).

В "Ф. А. Ш." после этого начинается быстрая смена редакторов. За Яновским следует Фрумкин, которого в 1920 году сменяет д-р И. Меррисон. Но так как этот почтенный доктор осмелился выступить против большевиков, за которых "Ф. А. Ш." все время стояла горой, то его попросили убраться, а место его занял М. Кац, который в течение года только и занимался тем, что расхваливал большевиков и очевидно за эти свои прошлые заслуги большевики и назначили его теперь одним из редакторов еврейской коммунистической ежедневной газеты в Нью Йорке "Свобода".

В 1921 году место редактора занял Коген, во всем следующий традициям, установившимся еще при Яновском. Сущность этих традиций заключается в том, что бы держать нос по ветру и поддакивать всем тем лидерам и сильным мира сего, от которых зависит судьба субсидий для "Ф. А. Ш."

Если "Форвард", например, плачет о Ленине — то же самое делает и "Ф. А. Ш.". Ругает "Форвард" Махно и называет его "погромщиком" — ему вторит и "Ф. А. Ш.". Нападает "Форвард" на большевиков за их попытки захватить теплые местечки в юнионах — нападает на большевиков и "Ф. А. Ш.". Если завтра "Форвард" сговорится с большевиками, то с ними

же в мире и согласии окажется и "Ф. А. Ш."

"Ф. А. Ш." открыто защищает всевозможные проделки продажных юнионных лидеров, прибегающих к устрашению и избиваниям честных, протестующих против них рабочих, и она выступала с нападками и старалась разбить все попытки Анархистской Трэд-Юнионной Лиги, созданной с целью уничтожения существующих недочетов в трэд-юнионном движении.

О юбилейном торжестве "Ф. А. Ш." больше всего трубили "Форвард" и все те юнионные лидеры, которые находятся под благосклонным покровительством "Ф. А. Ш.". Курьезнее всего то, что в "Форвард", а также в органе дамских портных "Справедливость", рядом с статьями о необходимости поддержки на выборах сенатора Ля-Фолета, были помещены призывы о принятии участия в юбилейном торжестве "Ф. А. Ш."

Более того, честь помещения передовой статьи в юбилейном номере была предоставлена С. Яновскому, который в редактируемом им органе дамских портных "Справедливость", выступил с большой статьей, восхваляющей достоинства Ля-Фолета и притязавшей портных отдать за него свои голоса на президентских выборах, а в "Ф. А. Ш." этот на все руки мастер кривлялся, как клоун, стараясь изобразить из себя "боевого" анархиста.

Но все такие выступления несколько не противоречат общему направлению "Ф. А. Ш.". В номере от 22 августа 1924 г. "Ф. А. Ш." высказалась за "новую ориентацию" в анархизме, которая, на наш взгляд, есть не что иное, как искажение анархизма и подделка его под юнионный вкус.

Анархизм, во имя юнионных субсидий, надо было примирить с особенностями еврейского трэд-юнионного движения и отсюда — "новая ориентация", освещающая "принятие участия в административных общественных дел, городских или штатных, принятие участия в избрании народных представителей" и т. д.

"Ф. А. Ш.", как видно из этого, проповедует "анархический" парламентаризм. "Ф. А. Ш." усиленно тянет своих сторонников в объятия "Форварда", в болото политики и парламентаризма, от которых анархисты давно уже отряхнули прах от ног своих и куда они назад не по-

лезут, как бы того ни хотелось г. Когену. Политика может быть и выгодное занятие для разных лидеров, но она ничего не дала и не даст рабочим.

Этим кратким обзором мы и закончим свою статью, и в заключение скажем, что анархистской газеты "Ф. А. Ш." не существует и она давно умерла. Двойник же покойной "Ф. А. Ш." ничего общего с подлинным анархизмом не имеет и является органом, который издается на субси-

дии, отпускаемые продажными юнионными лидерами. Этим лидерам служит "Ф. А. Ш." и они являются хозяевами газеты.

Остается только пожелать, чтобы не поддавшиеся такой деморализации наши еврейские товарищи собрались с силами и подняли снова на прежнюю высоту брошенное в грязь черное знамя анархии.

Октябрь 1924 г.

U. S. America.

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОММУНИЗМ В УЧЕНИИ АНАРХИЗМА.

Э. Малатеста.

Ксавье Мерлино пишет в первом номере "Pensiero e Volonta" ("Мысль и Воля"): "Анархисты всегда страдали и остались бессильными вследствие разногласия, никогда не прекращавшегося в их среде между индивидуалистами и коммунистами, которые так же далеки друг от друга, как северный полюс от южного, и сходятся только лишь в одном пункте: в ненависти к парламентаризму".

По моему мнению, Мерлино преувеличивает, приписывая бессилие анархистов разногласиям между коммунистами и индивидуалистами. Когда случаи оказывались благоприятными для действия и, главным образом, когда хотели и могли сделать что-либо практическое, забывая о разногласиях, коммунисты и индивидуалисты (я говорю, конечно, о тех, кто были действительно анархистами и, следовательно, верными принципу: ни угнетенные, ни угнетатели) снова боролись бок-о-бок. Бессилие анархистов зависело от множества других причин, особенно от отсутствия немедленно годной к применению практической программы, за исключением, конечно, тех общих обстоятельств, среди которых они принуждены были действовать. Другими словами: вследствие того факта, что они были впереди своего века, они должны были больше, чем осуществлять, они должны были думать о приближении, при посредстве пропаганды, часа, когда осуществление было бы возможно.

Мерлино еще преувеличивает, когда он на-

ходит, что идеи коммунистов и идеи индивидуалистов (я все время говорю, конечно, об анархистах искренних и сознательных) диаметрально противоположны: так могло бы показаться, если принять литературные и "философские" уклоны некоторых лиц в серьез; но на самом деле речь идет, чаще всего, о словесных недоразумениях.

Анархический индивидуализм потерпел несчастье излагаться часто лицами, которым не доставало какого бы то ни было анархического чувства: буржуазными литераторами, желавшими при посредстве парадоксов привлечь к себе внимание, чтобы иметь возможность с подобием успеха вступить в лоно официальной литературы; полу-учеными и полу-грамотными, которые хотели произвести впечатление; больными, которым чтение непонятной литературы окончательно повердило рассудок; наконец, и хуже всего, преступниками более развитыми, и чтобы точнее выразиться, лучшими, чем обычные преступники, чувствовавшими необходимость оправдать свои преступления при посредстве теории; в Италии эти последние, главным образом, окончили в недрах фашизма. Буржуазия, правительство и различные политические партии пользовались этими заблуждениями, чтобы клеветать на анархизм и слишком часто им удавалось вредить нам в глазах масс. Недоразумения и личные вопросы нарушали дискуссии и часто ожесточали даже самих анархистов. Но все это не мешает то-

му, чтобы в своем существе, т. е. в своих моральных движущих силах и в своих окончательных целях, анархизм индивидуалистический и анархизм коммунистический не были бы одним и тем же или почти что одним и тем же.

Я горячо рекомендую читать книгу Э. Армана: "Посвящение в анархо-индивидуализм", которую тов. Меникони перевел на итальянский язык. Это — ответственная книга, написанная одним из более признанных среди анархо-индивидуалистов, получившим общее одобрение индивидуалистов. И что ж? читая этот труд, спрашиваете себя, почему Э. Арман говорит постоянно об анархическом индивидуализме, как об особом учении, в то время, как он только то и делает, что излагает принципы общие всем анархистам, каково бы ни было их направление. Э. Арман, который любит называть себя аморалистом, на самом деле написал нечто вроде руководства анархической морали, — нисколько не анархо-индивидуалистической, а анархической вообще. — Более даже чем анархической, — морали широко человеческой, так как она основана на человеческих чувствах, делающих анархизм желанным и возможным.

Однако, сделав целые ряды оговорок по поводу сказанного Мерлино, приходится все же признать справедливым, что существование среди анархистов меньшинства, именующего себя индивидуалистами, является постоянной причиной разногласия и слабости.

Спокойное и беспристрастное рассмотрение вопроса об индивидуализме и коммунизме в учении анархизма является, следовательно, очень полезным теперь, в момент самой горячей умственной подготовки среди анархистов к будущему делу осуществления.

Я сделаю это кратко с моей точки зрения коммуниста или ассоциациониста, другой сделает, если захочет с точки зрения индивидуалиста. (Я употребляю слово ассоциационист, как равноценное слову коммунист, не из желания бесполезного нововведения, но так как предвижу возможность, что анархо-коммунисты начнут постепенно отказываться от названия коммунист, ввиду того, что оно скомпрометировано и стало двусмысленным благодаря русскому "коммунистическому" деспотизму. Если это оправдается,

мы будем иметь повторение истории со словом социалист. Мы, бывшие, по крайней мере в Италии, первыми приверженцами социализма, претендовавшими и претендующими сейчас быть истинными социалистами в широком и человеческом смысле слова, мы в конце концов отказались от этого названия во избежание всякого смешения с многочисленными буржуазными и авторитарными заблуждениями социализма, мы сможем также отказаться от названия коммунист, боясь увидеть наш идеал свободного человеческого братства, смешанным с отвратительным деспотизмом, который восторжествовал в России на известное время и который партия, вдохновленная русским примером, хотела бы навязать всем странам. Тогда явилась бы, возможно, необходимость в другом названии, служащем для отличия нас, и это могли бы быть ассоциационисты или общественники либо всякое другое слово в этом же роде, хотя, на мой взгляд, слово анархист должно было бы быть достаточным).

Раньше всего устраним ошибку, находящуюся в основе всего недоразумения. Индивидуалисты предполагают или говорят, как если бы они предполагали, что коммунисты (анархо-) хотят навязать коммунизм, что поставило бы их вне анархизма.

Коммунисты предполагают или говорят, как если бы они предполагали, что индивидуалисты (анархо-) отвергают всякую идею объединения, желают борьбы человека с человеком, господства более сильного, что поставило бы их не только вне анархизма, но и вне человечества. (Подобные и другие еще худшие идеи поддерживались во имя индивидуализма, но без того, чтобы те, кто их выставлял, могли бы себя назвать анархистами).

На самом деле коммунисты видят в свободно принятом коммунизме следствие братства и лучшую гарантию личной свободы. А индивидуалисты, действительно анархисты, являются антикоммунистами, так как они боятся, чтобы коммунизм не подчинил личности номинально тирании коллектива, в действительности же тирании партии или касты, которой, под предлогом управления, удалось бы захватить власть и распоряжаться предметами, а следовательно, и людьми, которым они необходимы. Вот почему они хо-

тять, чтобы каждая личность, каждая группа могла свободно заниматься своей деятельностью, свободно собирать плоды ее в условиях равенства с другими личностями и группами, сохраняя с ними отношения справедливости.

Если это так, то ясно, что существенной разницы нет.

Только, согласно коммунистам, справедливость по природе своей не осуществима в индивидуалистическом строе, а, следовательно, не осуществима свобода. Равно невозможна в своем исходном пункте эта знаменитая справедливость, это положение вещей, при котором каждый человек, рождаясь, находил бы те же самые условия развития, равноценные средства производства, мог бы подниматься более или менее высоко, наслаждаться жизнью более или менее широкой и счастливой, согласно своим способностям и степени своей активности.

Если бы весь земной шар находился в равных климатических условиях, если бы почва была повсюду равно плодородна, если бы сырой материал был повсюду распределен и находился бы под рукой, если бы работа прошлых поколений поставила бы все страны в равные условия, если бы народонаселение было бы одинаково распределено на поверхности обитаемой земли, можно было бы понять, что всякий (личность или группа) нашел бы землю, инструменты и сырой материал, чтобы работать и производить в независимости, никого не эксплуатируя и не будучи эксплуатируемым. Но условия, созданные природой и историей таковы, что нельзя себе представить, как установить равенство и справедливость между тем, кто получит бесплодный кусок земли, требующий много труда при скудном сборе, и тем, кому придется плодородный, удобно-расположенный участок; или между жителем хижинки, затерянной в горах либо в болотах, и жителем города, обогащенного рядом поколений всеми произведениями культуры и человеческой деятельности.

С другой стороны, возможно ли установить теперь же коммунизм, как основу общественной жизни? Был ли бы он принят людьми, воспитанными на истории, полной борьбы между народами, классами, личностями, где каждый должен был думать о себе, чтобы устоять и не

быть раздавленным? И при теперешнем состоянии общественной морали не обозначало ли бы это эксплуатации лучших и честных худшими и бесчестными? И далее, предполагая, что люди захотели бы коммунизм, как применить его в настоящее время на обширной лестнице всего мира или даже в одной нации, без того, чтобы не создать ужасного централизма и не очутиться в лапах многоголовой бюрократии неизбежно несведущей и угнетающей?

Из всего только что сказанного и из всего, что можно было бы еще сказать, я заключаю так же, как и заключали всегда истинные анархисты, что не следует рассматривать желания и стремления, как догмы законоучения, не поддающиеся изменениям, вне которых нет спасения.

Коммунизм — наш идеал.

Мы, коммунисты, так как коммунизм представляется нам наилучшим способом общественной жизни, таким, при котором может полностью осуществиться человеческое братство и полезность человеческого усилия в деле завоевания природных благ. Вот почему мы должны пропагандировать принципы коммунизма, применять его, как пример и как опыт, повсюду, во всех отраслях деятельности, где только нам предстается возможность это делать. А в остальном доверимся свободе, которая всегда остается целью и традицией всего человеческого прогресса.

"Pensiero e Volontà". Июль, 1924 г.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА:

Должен искренне сознаться, что статья Малатести меня очень смущает своей недоговоренностью, некоторой — весьма вредной — расплывчатостью. Затронул же им вопрос чрезвычайно интересный, высказаны им несколько интересных мыслей, но не хватает главного: вывода.

И еще: Малатеста утверждает вполне правильно, с моей точки зрения, что бессилие анархистов зависело и "от отсутствия немедленной годной к применению практической программы". Казалось бы, эту мысль жизненно необходимо развить, углубить и растолковать. Но Малатеста, извиняясь за выражение, как бы испугался своей собственной храбрости. Он как бы замал вопрос... Мне далеко, признаться, не ясно, что он думает, когда говорит в конце статьи: "А в остальном доверимся свободе, которая всегда остается целью и традицией всего человеческого прогресса". Пожалуй, красиво сказано, но... не ясно.

НИЧЬИ ВЕЩИ.

А. А. Карелин.

Любое средство производства, как и большая часть других изделий, является продуктом труда многих рабочих. Любая фабрика, например, с ее орудиями труда и материалами, является результатом труда тех рабочих, которые построили фабричное здание, подготовили материалы для такой постройки, сделали инструменты, при помощи которых эта фабрика строилась. В создании фабрики принимали участие рабочие, сделавшие находящиеся в ней орудия труда и подготовили материалы, необходимые для фабричной работы. В создании этой фабрики принимали участие и рабочие, приготавливавшие пищу и одежду для строивших фабрику людей и пр. и пр... При постройке этой фабрики люди пользовались плодами труда давно умерших людей, изобретших те или другие инструменты, от кривших способы добывать или обрабатывать тот или другой материал. Без физического и умственного труда прежних поколений нельзя было построить современную фабрику.

"Целые поколения людей, родившихся и умерших в нищете, угнетенных и оскорбленных господствующими классами, потопленных трудом, завещали нашему веку это огромное наследство. Миллионы человеческих существ потрудились для создания цивилизации, которой мы так гордимся... Всякая машина имеет в своем прошлом... длинную историю бессонных ночей и нужды, разочарований и радостей, второстепенных усовершенствований, изобретенных несколькими поколениями неизвестных рабочих, по немногу прибавляющих к первоначальному изобретению те мелкие подробности, без которых самая плодотворная идея остается бесплодной" (П. А. Кропоткин).

Каждый человек, выпустивший из своих рук доделанное им изделие, отнюдь не является человеком, сработавшим весь этот продукт. Производство многих предметов проходит через руки разных рабочих, но численность этих рабочих меньше количества всех лиц, принимавших участие в выделке этих предметов. Так, например, каждый инструмент, которым работали эти лица, в свою очередь приготовлен рабочими, без пред-

шествующего труда которых не могли бы сделать свою работу пользовавшиеся этими инструментами люди. Лица, сделавшие эти инструменты, работали инструментами, приготовленными другими людьми. То же самое можно сказать о многих материалах и других средствах производства.

Нельзя разобраться в том, какая доля труда и кем именно потрачена при устройстве какой либо фабрики, но можно утверждать, что собственники этой фабрики не имели нравственного права объявить ее своей собственностью на том основании, что у них были деньги, затраченные на постройку этой фабрики. Обладание деньгами означало только то, что их владельцы или те, от кого им деньги остались по наследству, эксплуатировали тем или другим способом трудящихся, отнимая у них значительную часть продуктов затраченного ими труда.

Из того, что средства производства, захваченные отдельными лицами в частную собственность, являются продуктами коллективного труда, следует, — (раз мы стоим за право всех трудящихся на продукт общего труда) — только одно, что капитал должен принадлежать всем людям, а не отдельным единицам. Раз это так, то народ может взять этот капитал, (т. е., фабрики со всем оборудованием) у его собственников и объявить его общим достоянием.

* * *

Землю нельзя брать в частную собственность просто потому, что она никем не сделана и не даром наш народ называет землю "ничьей".

Общественное достояние, которым должна сделаться ничья земля, допускает право пользования ею не иначе, как при условии обработки земли личным, не наемным трудом.

Если здесь имеется какое либо право, то не право собственности, владения или пользования, а право личной обработки. Основным правом, связанным с институтом ничьей земли, как раз и должно считаться право желающего лично обрабатывать землю, получить для обработки ее участок.

Сегодня это право на сельский труд может проявиться в уравнительном распределении земли, для ее обработки. Завтра, форма проявления этого права может измениться и общество перейдет к громадным артельным хозяйствам. Земледельцы не захотят брать в трудовое пользование отдельные участки и вся сельскохозяйственная земля будет обрабатываться большими ассоциациями, а, далее, быть может и одной колоссальной ассоциацией живущих на данной территории пахарей.

Но во всех случаях, с момента объявления земли ничьею, не может быть допущен такой тип землевладения, который допускал бы эксплуатацию человека человеком. Никакая, хотя бы и выбранная, группа законодателей, не имеет права распоряжаться ничьей землей. Против такой группы имеют право восстать люди, лишенные ею права на труд, права на жизнь, снова принужденные считаться с какой либо разновидностью собственности.

Не упразднив самого себя, строй рабочего социализма (или коммунизма) не может знать собственника, хотя бы этот собственник явился бы в виде государства.

Средства производства (в том числе и земля) должны быть переданы в общее достояние и мы резко противопоставляем этот институт институту собственности, сущность которого не только право пользования своей вещью, но и право злоупотреблять ею, хотя бы и ограниченное смыслом права. (*Dominium est jus utendi et abutendi rei, quatenus juris ratio patitur*).

"Право злоупотребления", это — в "школьном", имеющим за собою серьезное основание, понимании — право "законно" злоупотреблять своей вещью. Проявление права законно злоупотреблять своей вещью сводится в наше время к праву собственника эксплуатировать других людей и это право чуждо и враждебно институту общего достояния. Если под "*jus abutendi*" понимать право отчуждать кому либо свою вещь каким либо (в том числе и за вознаграждение) способом, то это право опять таки враждебно этому институту (общего достояния), грядущему на смену старым институтам. Право злоупотребления, хотя бы и ограниченное нормами и смыслом права, немисливо при институте ни-

чьих вещей, хотя неразрывно связано с институтом собственности.

Общее достояние (этот институт обычно, а не писаного права) не имеет по существу ничего общего с собственностью. Это во 1) равное для всех право пользоваться всем принадлежащими средствами производства при наличии равных условий труда и во 2) в своем полном развитии равное для всех людей право пользоваться продуктами этого общественного труда.

Всякая возможность эксплуатации исключается самым фактом существования такого института. Равное для всех право на труд (при наличии равных условий его приложения) не может ужиться с правом собственности на средства производства. Эти средства становятся, при этом условии, ничьими вещами, равно всем принадлежащими, как равно всем принадлежит воздух, с тем несущественным в данном случае отличием, что средства производства ограничены в количестве. Ныне ничьими вещами являются дороги, улицы, площади, вода некоторых рек (по скольку, например, дело идет о питье этой воды).

Слова "ничьи вещи" употребляются нами не в том смысле, что их нельзя захватить в собственность, как нельзя например, захватить звезды (которые, если бы это было возможно, давным давно попали бы в число предметов священной собственности), как нельзя захватить в собственность воздух *) и т. п. Ничьи вещи будущего общества не имеют ничего общего с

*) В средние века была сделана попытка, впрочем, попытка захватить в собственность ветер. Когда в Европе появились ветряные мельницы, духовенство, дворянство и короли стали спорить о том, кому из них принадлежит ветер и кто, следовательно, имеет право получать деньги с владельцев мельниц, получающих от ветра двигательную силу. Если бы техники того времени изобрели приборы, записывающие силу ветра, то кто либо из этих эксплуататоров объявил бы ветер своей собственностью. Закон карал бы нарушение прав священной собственности на ветер и нашлось бы сколько угодно теоретиков и практиков, защищающих эти права, как находятся "практики" и "теоретики" для защиты права частной собственности на землю.

вещами, подлежащими первому захвату, т. е., вещами, которые являются ничьими только до тех пор, пока никто еще не завладел ими, как собственник. Важно как раз то, что никто не может завладеть ими. Тем не менее, они ничьи вещи не потому, что их нельзя захватить в собственность, а потому, что такого захвата не допускает общественное мнение.

Институт ничьих вещей совпадает с коммунизмом (настоящим коммунизмом). Это — институт антисобственности.

Ничьими вещами нельзя злоупотреблять. Никто не может заставить других лиц платить себе или работать на себя потому, что эти вещи принадлежат ему, потому, что он владеет этими вещами. Здесь немислимо пользование к невыгоде других лиц. Нельзя, например, обратить землю в места для охоты, когда ее надо засеять хлебом для питания голодающих, благодаря недостатку хлеба, людей.

Ничьи вещи неотчуждаемы. Здесь немислимы купля-продажа, заклад, аренда, передача по наследству, отдача в обработку наемникам. Немислимы, при наличии института ничьих вещей, гонорар, рента, процент, прибыль, заработная плата, налог или подать. Мыслим только всеобщий доход, равномерно распределяемый между всеми людьми.

Трудящийся будет, разумеется, пользоваться средствами производства. Только до тех пор, пока он ими пользуется, они и принадлежат ему, но не как собственнику, а как рабочему, работающему при их посредстве. Точно также и современный рабочий пользуется, работая, чужой машиной.

Раз человек перестал работать посредством данных средств производства, то, кто хочет, тот и может пользоваться ничьими средствами производства. А когда кончается пользование ими, отнюдь не наступает право работавшего ими человека продать их, отдать в наем и прочее. Они просто оставляются им в мастерской или передаются в общественный склад.

Труд при посредстве средств производства отнюдь не создает, при институте общего достояния, права собственности трудящегося на эти средства. Он дает только право пользоваться ими как раз в течении того времени, пока этот

труд продолжается.

Что касается до предметов потребления, то они будут ничьими вещами тогда, когда каждый сможет пользоваться ими, удовлетворяя свои потребности и не нанося этим пользованием ущерба другому, не беря таких продуктов больше, если другой получит при таком захвате меньше.

Нельзя отказать желающему работать в средствах производства, как нельзя отказать голодному в пище, бедному — в одежде, плохому одетому — в хорошей одежде только потому, что другой человек захватил себе черезчур много таких продуктов. В этих случаях подлежит распределению все наличное "ничье" движимое имущество, у кого бы оно ни находилось (хотя бы его владельцами были господа правители, личность которых, впрочем, немислива в общезнании, знающем институт ничьих вещей). На практике такое распределение может иметь место только в первые моменты появления коммунистического строя, а, впоследствии, разделы находящегося у разных лиц имущества будут ненужны.

Как нельзя злоупотреблять средствами производства, эксплуатируя, благодаря собственности на них, других людей, так нельзя злоупотреблять и предметами личного потребления, имея излишек последних в то время, когда имеются нуждающиеся в них и лишенные их люди.

Человеку свойственно удерживать то, что нужно для удовлетворения его потребностей. Он и будет брать нужные ему вещи для того, чтобы самому пользоваться ими, не прибегая ни к насилию, ни к обману, не опираясь на институты лицемерия.

Общее достояние — это институт ничьих вещей, который вытеснит институт частной индивидуальной и коллективной собственности на средства производства и на многие другие предметы. Это институт не очень далекого будущего, институт грядущего.

* * *

Современный институт частной собственности на средства производства не имеет за собой честных оснований. Богатые люди или правители владеют средствами производства только потому, что захватывают их посредством грабежа рабочих, поддерживаемого государством.

Источники сырых материалов (земля, ко-
пи, рудники, и прочее) опять таки не сделаны,
а захвачены капиталистами. Еще в позапрошлом
столетии Неккер говорил приблизительно следу-
ющее: допустим, что люди изобрели насосы, при
помощи которых начали разрезать воздух в од-
ном месте и сгущать его в другом, распоряжаясь
таким образом, по своему произволу, возможно-
стью дышать... Люди не согласились бы на это.
Однако те-же люди мирятся с тем, что немногие из
них, захватив землю в собственность, по произ-

волу распоряжаются питанием человечества.

Способ, которым капиталисты приобретают
г: собственность средства производства, порочен
в самом корне. Капитал, это — неоплаченный,
украденный труд рабочих. Капитал является ча-
стью прибыли эксплуататоров, а прибыль, это —
добыча организованной шайки, состоящей из
глупых и лицемерных грабителей.

Примечание: слово "институт"
значит "установление".

«О»

К ВОПРОСУ О «ПОСТЕПЕННОМ» ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ.

Жан Грав.

Непосредственная замена капиталистическо-
го режима анархистским — в первый же момент
революции — представляется многим неосущест-
вимой. Необходимо, теперь же, по их мнению,
приступить к изучению тех этапов, через кото-
рые должна пройти революция, чтобы незаметно
и безболезненно привести нас к мечтаемому нами
строю — вне законов, вне власти, вне мерила це-
нности и денег.

По мысли тов. Стакельберга мы сначала
должны пройти через различные фазы, отме-
ченные проведением давно назревших реформ,
как аннулирование международных долгов, уп-
разднение магистратуры, пересмотр конституции,
социализация всего, что по условиям момента
может быть социализировано, политическое, эко-
номическое и социальное равенство полов, и т. д.
В таком виде намечается им **переходный период**.

Затем наступит фаза коммунистического ко-
ллективизма, лозунгом которой будет социализа-
ция земли и всех орудий производства, и на-
конец — завершающая фаза освободительного
коммунизма.

Программа эта, при всей ее логической
стройности и законченности, превосходна... то-
лько по видимости; неудобство ее в том, что
революция — как и эволюция — совершенно
не считаются с нашими предвидениями и рас-
счетами. События, в большинстве случаев, раз-
виваются по своим собственным внутренним за-

конам, согласно точно предопределяющим их фа-
кторам, а отнюдь не согласно нашей воле.

С другой стороны ничто не доказывает,
что те мероприятия, которые тов. Стакельберг
относит к третьему периоду, не могли бы быть
осуществлены в течение первой фазы, или даже
на пути к ней, в условиях существующего строя.

Так, политическое и социальное равенство
женщины вполне приемлемы и для настоящего
общества, причем проведение данной реформы не
вызовет даже особых потрясений, если защит-
ники ее сумеют объединиться и повести доста-
точно интенсивную кампанию, чтобы оказать да-
вление на законодателей. Рано или поздно им
удастся добиться признания своих прав. Это во-
прос организации, настойчивости и воли.

Эмансипация женщины не представляет се-
рьезной угрозы буржуазному строю. Простая
справедливость требует того, чтобы женщины
были предоставлены все права, какими пользо-
ется мужчина — какова бы ни была реальная
ценность этих прав. И поскольку это так, мы
должны видеть в этом одну из целей нашей дея-
тельности, — не обольщаясь иллюзиями нас-
чет ее действительного значения.

Что касается упразднения магистратуры, то я
позволю себе усомниться в осуществимости такого
мероприятия, не только в переходную эпоху, но
даже в периоде коммунистического коллективиз-
ма. Слишком много типичнейших "закоренелых"

бюрократов находится сейчас "на подножном корму", и все они были бы положительно удручены скорбью, если бы их лишили занятий, которые так чудесно гармонируют с их способностями и со всем их умственным складом.

* * *

Впрочем, такое дробление революции равносильно урезыванию ее программы, сознательному обеспокоиванию ее. Поступать так — значит следовать примеру тех депутатов, которые заявляют своим избирателям, что, мол, — "то к чему вы стремитесь, заслуживает всяческого сочувствия, но может быть осуществлено только в течение ряда поколений — если вообще когда либо станет осуществимым. А раз так — отчего же не избрать себе более скромной, более осуществимой цели, и не попытаться достигнуть ее немедленного осуществления".

Реализация в настоящем всего того, что представляется осуществимым по условиям момента — но ведь это-то, в сущности, я и имею все время в виду. По этим, именно, соображениям я считаю желательным, чтобы все те, кого объединяет убеждение в необходимости известных преобразований или борьбы с определенными злоупотреблениями, организовались для выполнения общими силами намеченных заданий, не заботясь о том, как мыслит каждый из них в области других социальных проблем и вопросов. Объединение должно проводиться на почве данной, конкретной идеи, с предоставлением участникам его — во всех других отношениях — полной свободы действий. Таков единственный путь, которым можно прийти к плодотворной и дружной работе — при условии, если каждый усвоит себе ту мысль, что принимаемое его группой конкретное задание отнюдь не воплощает все возможные сферы деятельности, что это — не более как некая часть целого, простое разделение труда, основанное на естественном предпочтении и склонностях.

С наступлением революции проблема останется той же. Все, кто пожелает содействовать развитию новых форм социальной жизни, должны будут объединиться, чтобы совместно выработать революционную программу, каковая по общему мнению окажется наилучшей. При этом они также не будут считаться с тем, каков образ мы-

сли их соратников по всем прочим вопросам. Ибо отказываться от объединения со всеми, кто не разделяет наших убеждений в области всех, без исключения, социальных проблем — значило бы обречь себя на то, чтобы всегда оставаться в бессильном меньшинстве. Что же касается урезывания программы и отбора наиболее "осуществимых" заданий, то и без того всегда найдутся люди, которые побоятся идти слишком далеко, и явятся своего рода тормазом, естественным и вполне надежным.

Полагать, что мы в состоянии направить революционный процесс по определенному руслу — значит предаваться наиболее "утопической" из утопий. Нет, тысячу раз — нет! как революция, так и эволюция никогда не идут проторенными для них путями, как бы гениален ни был тот деятель — или как бы могущественна ни была та политическая группа, которые взяли бы на себя подобную задачу.

Не существует мыслителя, политика, дипломата или государственного деятеля, который мог бы управлять событиями такого стихийного захвата. Никакой Ленин или Робеспьер не в состоянии властвовать над революционной стихией. Единственное, что может сделать самый искусный политик — это использовать сложившуюся ситуацию для достижения известных, намеченных им, преимуществ и выгод, но не доказано, что преимущества эти всегда служат на пользу интересам общего блага.

Нельзя насильственно навязать массе то, что является для нее неприемлемым. Сторонники этого метода могут стать у власти, сочинять законы, издавать декреты, гильотинировать или расстреливать всех инакомыслящих, но все это несколько не изменит естественного течения событий. С восстановлением порядка жизнеспособными окажутся только те новшества, к восприятию которых масса была подготовлена в достаточной мере.

* * *

Развитие социальной революции выльется в формы, предусмотренные предварительной идейной пропагандой. В зависимости от интенсивности этой пропаганды и от более или менее отчетливого выявления идей, которые могли бы приобрести некоторую популярность и произве-

ти известное впечатление на массы, революция пойдет по тому или иному пути. Возможно также, что здесь будут действовать одновременно влияния различных течений, но наибольшая вероятность воплощения в жизнь выпадет на долю тех преобразований, к принятию которых общественное мнение было подготовлено наилучшим образом.

Особенно прочный успех суждено иметь тем начинаниям, апологеты коих сумеют создать достаточно действенные инициативные группы.

Бесспорно, революция всегда является делом наиболее передового меньшинства, но успех ее возможен только при том условии, если ей обеспечена деятельная поддержка со стороны сочувственно настроенной и обладающей достаточным развитием массы. Предоставленная самой себе, революция обречена на гибель. Необходимо заинтересовать широкие массы и привлечь их к активному участию в ней — ибо деятельное меньшинство способно оказать известное влияние на массы, но никогда не сможет превратить их в себе без остатка.

Некоторые из начинаний, предпринимаемых меньшинством, будут приняты, другие будут отвергнуты, причем нельзя указать определенные причины, в силу которых одним суждено встретить столь благосклонный, а другим — столь немилостивый прием. Концепции, которые способны увлечь за собой широкие массы, окажутся, по всей вероятности, преобладающими, независимо от того, будут ли это мероприятия переходного периода, коллективистского, анархистского или какого-либо иного толка.

Конкретный пример и немедленное проведение на практике всего того, что провозглашается полезным для утверждения предусматриваемой нами социальной системы — вот вернейший залог успеха в этой борьбе различных концепций, оспаривающих друг у друга честь "управления" революцией.

Вместе с тем попытка направить течение революции по определенному руслу путем захвата власти представляется нам величайшей ошибкой, заблуждением, концепция которого в высшей степени пагубно отражается на интересах самой революции. Меньшинство может оказаться у власти и удерживать эту власть за собой в

течение известного времени, но диктуемые им мероприятия, декретизируемый "сверху" образ правления, при проведении в жизнь окажутся совершенно искаженными, если только не останутся мертвой буквой закона. Они не оправдают возлагавшихся на них надежд и дадут очень неутешительные результаты, благодаря совершенно неправильному истолкованию их со стороны различных агентов-исполнителей, из коих многие будут вербоваться из числа деятелей старого режима — так как изгнать "без остатка" всех представителей прежней администрации окажется невозможным.

Ведь и в условиях настоящего строя, несмотря на совершенную государственную организацию, не взирая на то, что все чиновники-исполнители являются поистине "верноподданными" капиталистического режима, мы видим, что большинство законов, при проведении их в жизнь, дают результаты, диаметрально противоположные тому, чего ожидал законодатель...

* * *

Те революционеры, которые искренно стремятся к достижению всеобщего благосостояния и освобождению от всех оков, стесняющих свободное развитие личности и проявление индивидуальной инициативы, — обрекают себя на горчайшее разочарование, если они надеются достигнуть всего этого с помощью законов, декретов или мер административных. Единственный правильный путь — это путь реальных действий и доброго примера, но деятельность, даже во времена революции, заключается не только в том, чтобы сражаться под революционным стягом и расстреливать своих супостатов.

Недостаточно сокрушить устои старого строя — необходимо еще иметь наготове механизм, могущий обеспечить нормальное производство и облегчить распределение жизненных благ, дабы не образовалось "провала" между разрушением старой и организацией новой системы. Революция должна привести с собой немедленное улучшение быта широких трудовых масс, а не отягощать их и без того неприглядную долю.

Задача анархистов, в данном случае, заключается в том, чтобы развить и наиболее отчетливо выявить сущность нашей идеи. Мы должны сообщить нашим концепциям максимальную

точность и ясность, давая понять, каким образом может быть организовано планомерное сотрудничество индивидов и групп при том новом порядке, который принесет с собой революция. Особенно настойчиво надлежит проводить и подчеркивать то положение, что организация будущего общества может быть создана только самостоятельной инициативой как групп, так и отдельных индивидов. Нужно внушить общественному сознанию ту мысль, что всякая попытка организовать новое общество "сверху", путем авторитарным, будет не чем иным, как возвратом к отвергнутому буржуазному режиму, оковами, тормозящими развитие нарождающегося свободного строя.

Не следует забывать, равным образом, что революция только в том случае может полностью осуществить свое великое дело, если мы не будем ограничиваться "философией" и построением — на бумаге! — великолепных планов организации будущего общества. Необходимо теперь же, параллельно с пропагандой, приступить к созданию широко-разветвленных хозяйственных организаций, которые в момент революции могли бы послужить фундаментом грядущего социального строя.

В статьях: "Ce que l'on peut faire", "Association — Organisation", "Encore la Question d'Organisation", "Que faire avant la Revolution", я высказал несколько мыслей относительно того, в какие формы должна бы вылиться деятельность этих организаций. Идея эта не встретила особенного сочувствия в революционных кругах, хотя в тех из анархистских кружков, где не довольствуются дакламацией и словопрениями, как будто бы начинают догады-

ваться, что в этом направлении можно предпринять очень многое. В остальном отсылаю читателя к указанным выше статьям.

* * *

Быть может, наши идеи успели в достаточной степени проникнуть в сознание масс для того, чтобы уже в начале революции мы могли быть поняты этой массой, могли увлечь ее за собой в наших попытках организовать общество по принципам и заветам анархизма — но может случиться и обратное: другие концепции могут оказаться сильнее, возможно даже, что возобладает смешение — "амальгама" идей, возникшая, как продукт борьбы различных течений. Кто вправе предсказывать что-либо? Кто в состоянии предугадать ту идейную эволюцию, которая может совершиться в умах миллионов людей?

В этом отношении мы бессильны. Пропагандировать наши идеи, искать пути к организации объединений и групп, которые могли бы заменить экономическую систему буржуазного строя — это все, что представляется возможным в настоящий момент.

Когда же наступит революция, наиболее правильным практическим шагом была бы реализация всего, что окажется осуществимым по ходу и развитию событий.

Не будем же заранее дробить революционное дело. — Ибо грядущие события сами по себе исключают из нашей программы все то, что явится недостаточно жизнеспособным, и совершенно излишнее, в данный момент, предпринимать эту обеспокоивающую и бесцельную операцию.

НАШИ НЕДОСТАТКИ.

Автономов.

Быть может мы слишком много занимаемся нашими "внутренними делами" и совсем мало обращаем внимания на внешнюю сторону — на то, что происходит вокруг нашего движения.. По крайне мере так чувствуешь, просматривая наши периодические издания последнего времени. Почти во всех наших изданиях тенденции углубления (как это теперь принято называть), значительно превышают стремление к расширению нашего движения. Широта как будто бы уже достигла своего предела... и никого не интересует. Зато углубление захватывает всеобщий интерес. Все и каждый углубляют... кто "переоценкой ценностей", кто удалением "старых" и "отживших" положений, кто внесением совершенно "новых" или обновлением "старых" понятий, кто отделкой и отшлифовкой "неясных" вопросов, кто собиранием неизвестно для чего "черепков"... Словом, всякий старается вогнать как можно глубже колышек теории (или в теорию) и утрамбовать вокруг него почву как можно прочнее.

Даже специальные журналы для этого повлияли и горделиво в своих программных тезисах заявляли, что теперь самое подходящее время забраться в кокон, т. е. углубляться.

Наличие столь усердной работы в этой области и присутствие такого значительного числа работающих, разумеется, не требует внесения сюда новых сил. Как раз наоборот: чувствуется противоположная потребность — выпростить и разогнуть образовавшийся за последнее время в нашем движении изгиб. И эта потребность — самая прямая, самая кричащая задача дня. Хоть немного, хоть шепотку на противоположную чашку весов!..

Однако, как это ни печально, приходится еще и еще игнорировать эту неотложную задачу и, вопреки желаниям, идти, выражаясь формально, по линии углубления, а говоря открыто, по линии лишнего, ненужного перетряхивания тех вещей, которые уже давно должны быть в области предания. Вынуждает к этому одно чисто эпизодическое явление, которое тем не менее стало чуть ли не камнем преткновения.

Явление это — выступление некоторых мо-

сковских анархистов с соболезнаванием по случаю смерти Ленина.

Излагать подробно историю этого явления — нет надобности, так как она всем известна. Приходится лишь повторить то, что было сказано выше, т. е. что это явление, при первом же знакомстве с ним, представляется чисто эпизодическим, даже больше того — случайно-персональным. Именно случайно-персональным, а не обыкновенно-случайным или обыкновенно-персональным. Всякое обыкновенно-персональное явление должно обуславливаться известной координацией в поступательном ходе вещей, а всякое обыкновенно-случайное явление должно носить характер универсальности в данный момент и в данных условиях. Иначе говоря, обыкновенно-персональное явление невозможно без некоторой логической связи во времени, а обыкновенно-случайное явление невозможно без связи в пространстве. В данном же явлении нельзя отыскать ни одного из вышеназванных качеств. Здесь нет ничего всеобщего, постоянного, всем обязательного; здесь совершенно отсутствует всякая нетленность, универсальность и авторитарность. Это просто обрзок... мгновение. И как всякий обрзок или мгновение исчезают тотчас же после того, как они прошли мимо нас, точно так же и это явление должно было бы кануть в Лету, коль скоро мы его оставили.

Вышло, однако, нечто обратное. Явление не только не исчезло, но с течением времени, как ком снега, выросло, разбухло и успело забежать далеко, далеко вперед. Оно опередило и нас, и время... Нам еще в точности неизвестно, когда именно состоится наш очередной съезд, т. е. съезд русских анархистских подпольных организаций в Сев. Америке, — во всяком случае время съезда еще где то впереди, — а между тем вопрос о поступке московских анархистов уже фигурирует на этом съезде.

Разве это не поразительный успех? Разве можно ожидать еще большего?

Такая соблазнительная честь, выпавшая на долю этого явления, и такой исключительный успех в его развитии, не бесосновательно наводят на мысль, что движущим фактором здесь

является не одно только явление. Очень вероятно, что в этом деле замешаны некоторые совершенно посторонние причины, которые и являются главным бродилом. Эта вероятность тем более усиливается, что это явление достигло своего расцвета только среди русских анархистов в Америке.

Представляя характер русского анархического движения в Америке и характер его отношений к московским анархистам, а также ряд других непосредственно с этим связанных обстоятельств, — очень легко допустить, что пресловутое выступление московских анархистов явилось лишь "клочком бороды" в известном рассказе Гоголя. Оно сыграло лишь роль маленькой искры, упавшей в пороховой погреб.

Как возник этот "пороховой погреб", какими судьбами он очутился там, где должна была упасть эта маленькая искра, — все это не лишено интереса и требует разъяснений. Но так как это завело бы нас слишком далеко в сторону и бросило бы "вглубь веков", и так как при этом неизбежно пришлось бы столкнуться с элементами гадательного характера, то лучше оставить эту сторону в покое, хотя забыть ее совсем ни в коем случае нельзя.

Итак, не останавливаясь на побочных причинах, приходится, повидимому, приступить к самой главной причине — к ядру вопроса. Некоторые обстоятельства однако требуют, прежде чем заняться ядром вопроса, сделать некоторое отступление. Так как у нас во главе вопроса стоит поступок московских анархистов, то необходимо уяснить, что такое поступок вообще.

Природа поступка отнюдь не так проста, как это кажется на первый взгляд. Поступок не есть что то самобытное, изначальное, а потому без труда уяснимое. Природа поступка сложна, многогранна и покрывает не узкую точку, а широкий круг. Короче говоря, поступок — явление производное, состоящее из многих составных элементов.

Назовем самые существенные из них, которые больше всего в данном случае нам необходимы:

- а) поступок, как таковой;
- б) мотивы;
- в) последствия;

г) значение или оценка.

Обращаясь непосредственно к поступку, как таковому, прежде всего бросается в глаза одна отличительная его черта: это — совершенная предметность поступка, т. е. полное отсутствие выявления всяких определительных свойств *). Черта эта в свою очередь рождает ряд весьма важных положений, которые, к сожалению, не всегда соблюдаются при суждении о поступках.

Одно из этих положений — непознаваемость поступка.

Хотя обыкновенно и говорят, что все узнается и определяется по делам, однако подобное утверждение следует понимать относительно. По делам можно определять и узнавать с точностью только в том случае, если под понятие "дело" подведены и выявлены все составляющие его элементы. Если же на лицо будет только одно "дело", т. е. только поступок, как таковой, о чем теперь у нас и идет речь, то определение будет или произвольным, или неверным.

В самом деле, для того, чтобы определение было точным, необходимо не только констатировать объект суждения, но — проникнуть, прочувствовать его. А последнее достигается не иначе, как при наличии уяснения свойств и качеств объекта. Поскольку объектом суждения является вещь (напр., камень, дерево, книга), дело не так сложно. Здесь, во-первых, конструкция объекта (т. е. отношение между предметом и предикатом), проста и ясна. Во-вторых, объект является чисто пассивной стороной в процессе познания. Но коль скоро в качестве объекта суждения фигурирует не вещь, а понятие или акт, — вопрос значительно усложняется. Тут уже приходится иметь дело не с одними мертвыми предметами, а с чем то живым, актуальным, воплотившимся в эти предметы. В первом случае, когда объектом суждения является вещь, вся суть зависит от нас, от нашей способности (иначе говоря, от субъекта познания), во-втором же случае наша роль маленькая, чисто регистрационная, — вся суть здесь зависит от объекта познания.

*) Не следует смешивать двух разнородных понятий — отсутствие и скрытность; мы имеем в виду последнее.

Вот почему во всех последних случаях нельзя достигнуть точного познания чисто объективным путем; вот почему и в нашем случае (т. е. при суждении о поступках), познание объекта, как такового, невозможно.

Следующее логически вытекающее отсюда положение заключается в том, что поступок сам по себе ничего не обуславливает, ничего не знаменует. Он безразличен и бесцветен. Он глух, нем и холоден. Он только является, фигурирует, дает о себе знать, но ничего не явствует, ничего не предreshает. Добро и зло ему одинаково безразличны, и он их не выявляет, не выносит наверх. Правда, совсем не трудно заключить, что такой-то поступок дурен, а такой-то — добр. Например, если мы видим, что такой-то (имя рек) ударил другого или обманул кого-нибудь, то мы быстро приходим к заключению, что его поступок — плохой. И наоборот, если мы видим, что кто-нибудь помог другому в беде, то мы тоже быстро заключаем, что его поступок — добр. Это вполне понятно, очень просто и доказывать обратное, повидимому, нельзя. Однако вместе с тем едва ли можно не согласиться, что подобные заключения, во-первых, относятся исключительно к поступкам, как таковым, а во-вторых — построены чисто дедуктивным методом. Особенно обращает на себя внимание последнее обстоятельство, ибо оно свидетельствует, что во всех подобных заключениях исходным пунктом является не поступок, а понятие о добре и зле вообще. Нам известно, например, что обман — вообще — явление нехорошее, а помощь — явление доброе, и поэтому, исходя из этих общих понятий, совсем не трудно строить соответствующие заключения относительно того или иного поступка.

В самом деле, если обман — зло и если данный поступок — обман, то, следовательно, он тоже зло; или, говоря языком силлогизма: —

обман — зло;
поступок — обман;
поступок — зло.

Такая легкость, удобство и быстрота приводит к конечным заключениям, тем не менее, имеет и обратную сторону: заключения, построенные подобным методом, могут быть действительными лишь при условии полного отсутствия вся-

ких индивидуальных особенностей во всех отдельных поступках. Условие это, следует согласиться, не так незначительно, как это может показаться на первых порах. Допустить, что все поступки похожи друг на друга, как две капли воды, едва ли будет отвечать действительности. Действительность как будто подсказывает обратное: она как будто свидетельствует, что в каждом отдельном поступке есть что-то отличительное, что-то такое, чего в других (поступках) нет. И если с этим согласиться (а не согласиться с ним очень трудно), то вышеприведенный метод заключения утратит, если не всю, то значительную часть своей силы.

К тому же до сих пор речь шла о добре и зле как о чем-то целом, чем-то едином... Мы брали их как понятия вполне законченные, застывшие, не подлежащие никакому расчленению, и, сопоставляя их, рассматривали сферу отношений между ними. Но ведь в сущности это не так: в сущности нет добра и зла, как таковых, — есть лишь известные отношения этих понятий к окружающей совокупности вещей. А так как совокупность вещей по своей сущности очень сложна и непостоянна, то, следовательно, добро и зло — тоже понятия сложные, т. е. подразделяющиеся на множество степеней и разрядов. Не даром народная поговорка гласит: "из двух зол выбирают меньшее". Практика и опыт давно подтвердили, что в жизни не одно зло, а много — меньшее, большее, маленькое, большое... В этом подразделении можно зайти так далеко, что если сопоставить меньшее зло с большим, то первое, относительно последнего, перестанет совсем быть злом.

То же самое можно сказать и о добре.

И вот, принимая все это во внимание, дедуктивный метод заключения, т. е. метод, определяющий частное, исходя из общего, окажется совсем непригодным в данном случае.

К этому вопросу мы еще вернемся, когда дело коснется оценки, теперь лишь добавим, что то значение, которое обыкновенно приписывается поступку, как таковому, — приписывается совсем незаслуженно. Фактически поступок такого значения не достоин, или, правильнее сказать, того значения не достоин. (Т. е. здесь мы подразумеваем другое значение, а не другую степень

одного и того же значения). Его значение — иное: величина, объем, мера, количество — вот его значение. Здесь поступок действительно важен, ибо наглядно определяет форму и размер этой формы. Но коль скоро дело от формы переходит к содержанию, определительные функции поступка кончаются, а следовательно, утрачивается и его значение. На арену при этом появляются новые факторы... о которых теперь и будет речь.

Одним из этих факторов являются мотивы. По своей сущности и назначению мотивы занимают двойное положение по отношению к поступку: во-первых, как обособленное явление, и во-вторых, как составная часть одного и того же явления. Обособленным явлением они являются тогда, когда стоят вне поступка, а частью — когда сливаются с ним. Отсюда ясно, что и исследование их должно идти двояким путем: путем выяснения их значения, как явления, и путем определения их сущности, как части явления. Отсюда также ясно, что в первом случае центром внимания будет время, т. е. расположение мотивов и поступка во времени, а во втором случае — степень их важности относительно друг друга в самом акте их совокупного проявления.

Едва ли приходится много и долго доказывать в каком расположении находятся мотивы и поступки во времени, т. е. что чему предшествует. Такое доказывание было бы совершенно лишней тратой сил и времени, и напоминало-бы знаменитого Чеховского героя, с особым усердием утверждающего, что лошади едят овес и сено. — Двух мнений здесь быть не может. Всем известно, что мотивы всегда предшествуют поступку, а не наоборот. Никто не может, серьезно думая, допустить, что раньше появляется поступок, а потом мотивы. В таком случае выходило бы, что мы раньше приехали в Америку, а потом узнали для чего ехали сюда; или: пообедав, мы узнали бы, что были голодны до обеда. Можно дойти еще до больших странностей, но уже из этого видно, что так быть не может.

Следовательно, если предшествование мотивов поступку несомненно, то, исходя из соображений какое положение занимает предшествующее явление относительно последующего, сразу же вырисовывается то огромное значение, которое иг-

рают мотивы, как явление, по отношению к поступку, тоже как явлению. Не подлежит никакому сомнению, после этого, что мотивы, по своей роли — причина, а поступок — следствие этой причины, — ибо как можно определить два последовательно идущих явления, как не причиной одно (первое) и следствием другое (второе)? Иного определения нет и быть не может. Отношение двух явлений, появляющихся не одновременно, а следующих одно за другим, есть отношение причины и следствия. А мы видели, что мотивы и поступок следуют в таком порядке, и поэтому подведение их под понятие причины и следствия не противоречит законам логики.

О степени же важности причины и следствия вообще, и об их относительной важности, — говорить не приходится: всем прекрасно известно, что причина гораздо важнее следствия. Не будь причины — не было бы и следствия. Следствие, следовательно, всецело обязано причине.

Таким образом, исследуя мотивы и поступок во времени — в их последовательном ходе — мы приходим к заключению, что мотивы идут вперед поступка, что они играют роль причины, и что по своей важности и значению превосходят поступок. К аналогичному же заключению мы приходим и другим путем, — путем исследования мотивов и поступков не в последовательном их ходе, а в их совокупной сущности.

Предшествуя, как отдельное явление, играя роль причины, вызывая к жизни следствие, — мотивы вместе с тем не исчезают, а сливаются со следствием и тем самым образуют новое сложное явление — поступок, — но поступок не как эффект, о чем мы говорили выше, а как явление систематическое, находящееся в известной логической связи с общей совокупностью вещей. Выше мы видели, что поступок, сам по себе, является каким-то осколком, чем-то от всего оторванным и ничего не определяющим. Читает, например, человек книгу, — мы видим это, — но почему и для чего читает — мы не знаем. Совсем иной оборот принимает дело, коль скоро открываются присутствующие в поступке мотивы: поступок тотчас же принимает ясные и определенные очертания, обретает язык и повествует нам о себе. Завеса загадочности

и безразличия быстро приподнимается и пред нами предстает не холодный, ничего неговорящий факт, а факт "живой", реальный — в определенном свете, в определенных красках. Мы видим его "природу", его "историю", "в очах его читаем страницы..." Нам открывается тайна, святая святых, развязывается узел, и мы, колеблясь, определяем — почему данный факт стал фактом, что вызвало его к жизни, откуда он вытекает, почему он проявляется так, а не иначе и, наконец, узнаем самое сущность факта. Обращаясь к вышеприведенному примеру, мы не только видим, что человек читает книгу, но знаем почему он читает, какую книгу и почему именно эту, а не другую. Словом, мы входим, как говорится, в курс дела. Прежде мы стояли в стороне от этого "курса"; мы видели только "дело", судили о нем, или так, как нам нравилось, или совсем не судили; теперь же мы судим о нем так, как оно есть.

Пользуясь методом сравнения, т. е. сопоставляя наши представления о поступке в первом случае и во втором, мы, разумеется, без особого труда заметим большое превосходство последнего случая над первым, а вместе с тем, придем к заключению, что причина этого превосходства — мотивы. Другого ведь изменения не происходит... Человек читает... ту же книгу, в то же время, на том же месте... Все — то же. А между тем, как не одинаково нам представляется его поступок! Ясно — разница вытекает из мотивов: прежде мы их не знали, а теперь знаем.

Не сомневаясь в превосходстве по степени важности мотивов над поступками, мы, однако, должны заметить, что главная суть мотивов, по нашему мнению, не в относительном их превосходстве, а в той колоссальной чисто объективной роли, которую они выполняют в поступке, как целом. Это замечание необходимо потому, что если мы сущность мотивов будем обосновывать всецело на базе их относительного превосходства, то отсюда только один шаг до оправдания лезунтского принципа: "цель оправдывает средства". В самом деле, если вся суть в мотивах, если поступок, в сравнении с ними — ничто, то что нам мешает делать самые гадкие поступки и прикрывать их самыми хорошими мотивами? Положим, мы желаем помочь

нашему больному товарищу, — но у нас нет средств... Исходя из вышеупомянутой точки зрения, мы можем добыть эти средства разными путями: воровством, грабежом, даже убийством. Рука наша не дрогнет и совесть не возмутится, ибо хотя наши поступки и будут отвратительны, но мотивы — красивы. Раскольников — герой Достоевского — был только на полпути к этому, поэтому долго не мог решить — стать ли на сторону мотивов или на сторону поступка.

Но, переноса центр важности мотивов в плоскость выполняемой или роли, мы тем самым отражаем себя от подобных крайностей. Мотивы, после такого перемещения, представляются нам не под знаком самодовлеющего явления, а в виде артиста, выполняющего свою роль. Всякая же роль, как бы велика она ни была, остается ролью и, как таковая, находится в известном отношении к чему-то целому, как идеалу. Это отношение к идеальному целому и является достаточной гарантией от всякого рода пертурбаций, ибо здесь все заинтересовано в сохранении на должной высоте идеального целого, а всякий диссонанс, ничтожнейшее отступление прежде всего разрушает это идеальное целое.

Развивая этот взгляд дальше, легко доказать, что такое утверждение, как "цель оправдывает средства" является полнейшей бессмыслицей, — бессмыслицей не в нравственном отношении, а с логической точки зрения. Но подобное доказательство составляет совсем особую ветвь вопроса, и в данном случае необязательно. В данном случае требовалось лишь указать, что ставя во главу угла идеальное целое, мы тем самым избегаем унижения или превознесения отдельных частей этого целого. Каждая функционирующая часть, при такой постановке вопроса, получает по заслугам. Мотивам отводится первенство, — но не больше этого. "Кесарево — Кесарю, а божие — богу..."

Здесь мы подошли к самому трагическому месту нашего вопроса. С одной стороны, мы знаем, что мотивы определяют поступок, являются как бы ключом к нему, отыскивают и открывают нам смысл и суть поступка. Но с другой стороны, перед нами вырастает весьма сложная трудность: как добыть, где обрести этот ключ? Разрешить эту трудность, значит, разрешить, если не

весь, то добрую часть вопроса? Но в том-то суть и состоит, что чем важнее явление по своему значению, тем труднее оно нам достается. Маленькое — во всех отношениях маленькое, а большое — во всех отношениях большое. Для достижения маленького и затраты бывают маленькие, а для достижения большого и затраты должны быть большие.

Выше мы указывали, что поступок, как таковой, трудно познать, трудно определить его сущность; но если поступок трудно познать, то узнать мотивы, — найти их и выделить из общего состояния вещей, — еще труднее. В первом случае мы все-таки имеем некоторые косвенные пути, некоторый материал (факты), есть за что, как говорят, вцепиться и, хотя бы на подобие Крыловской мартышки, можно продолжать возню. Во втором же случае даже этих скудных возможностей нет. Мотивы по своей природе не принадлежат к категории вещественных явлений; их нельзя ни видеть, ни осязать; к ним никакие косвенные пути не ведут. К ним ведет только один прямой путь, — и этот путь лежит не через поступок, не через действие, а через действующего. В действии мотивы только проявляются, реализуются, но не рождаются. Рождаются они в другом месте — в действующем; поэтому и искать их следует там.

Центр внимания, таким образом, переходит совсем в иную плоскость: от действия к действующему, от объекта к субъекту, от вещей к личности. Но и на этом дело еще не останавливается: понятие "личность" — понятие в свою очередь сложное (даже наиболее сложное), — личность живая, личность действующая, личность мыслящая, не говоря уже о тех чисто "механических" и "технических" подразделениях, которых, однако, в практической жизни не мало. Каждое из этих подразделений придает личности особое значение, и поэтому ее можно рассматривать со многих точек зрения. Впрочем, все эти многочисленные подразделения легко разделить на две главные категории, одна из которых будет составлять духовную сторону человека, а другая — физическую сторону. Поскольку дело касается физической стороны, — вопрос до некоторой степени прост и ясен. Человек в смысле физиологическом в значительной мере подхо-

дит под категорию вещественных явлений и, во всяком случае, доступен нашим чувствам. Но, конечно, нельзя этого сказать, когда центром внимания становится человек, в смысле духовном. Духовная сторона человека не имеет ничего общего с вещественными явлениями и не доступна нашим чувствам. Мы не можем ни видеть, ни слышать чужих душевных ощущений или мыслей другого человека, а следовательно, и узнать их не можем тем путем, каким мы узнаем обыкновенные предметы. Единственный способ, посредством которого мы можем узнать, скажем, мысли другого человека, — это если он сам нам их откроет *). Кроме этого способа, иных путей нет, а если и есть, то все они будут самыми обыкновенными предположениями с известной долей гадательности. Можно, напр., догадываться, что такой-то человек думает так-то и так-то; но ведь это будут только догадки, очень далекие от точного знания.

Следовательно, мотивы тоже можно узнать только путем открытия их нам самим же лицом, к которому мы обращаемся. Следовательно, далее, познание мотивов зависит, в конечном счете, от доброй воли той личности, мотивы которой нас в данном случае интересуют. Если человек, совершивший или совершающий данный поступок, расскажет нам, что его побуждает к этому, чем он руководствуется и что преследует, — хорошо; а если не расскажет, — сами мы ничего не узнаем.

Явление для царя природы и венца творения не совсем отрадное: но, тем не менее, несмотря на эту безотрадность, и не взирая на нашу беспомощность в этом вопросе, — последний до-

*) Мысли человека, и вообще духовная сторона, здесь подразумевается как нечто строго-"конкретное" проявляющееся в данном месте и в данное время. Поэтому не следует отождествлять со всеобщими законами мышления, законами душевных явлений и, вообще, с философией. Если мы говорим, напр., о законах мышления, то под мышлением мы подразумеваем мышление вообще — всего человечества, в том числе и наше собственное. Здесь же имеется в виду лишь отдельный человек, в отдельном случае. Поэтому мышление в данном случае является скорее всего объектом исследования, а не философским понятием.

лжен быть разрешен утвердительно, — мотивы должны быть отысканы и открыты в первую очередь, ибо только зная мотивы, можно узнать поступок.

Такова, в общих чертах, одна сторона поступка, — сторона, освещенная мотивами. Другая же сторона освещается уже не мотивами, а следующим, входящим в состав поступка, явлением — следствием. Следствие, как и мотивы, определяет поступок, — но его определение несколько иное. В то время как мотивы освещают поступок слишком ярко и мгновенно, подобно молнии, — следствие льет свой свет тускло и лениво. В то время как мотивы сливаются с поступком быстро, непосредственно, и слияние их представляет собой нечто компактное, непроницаемое, — следствие, наоборот, сливается с поступком посредством известных периодов, известных зон, и слияние их представляется в свете растяжимости и промежуточности. Иначе говоря, мотивы определяют поступок быстро, а следствие постепенно. Мотивы уже имеются налицо в самом эффекте поступка, следствия же еще нет и часто долго не бывает. Проходит иногда значительное время прежде, чем следствие даст о себе знать и осветит поступок с этой стороны. Поэтому судить о поступке с точки зрения следствия нельзя так скоро и быстро, как это можно делать с точки зрения мотивов. Здесь приходится быть очень осторожным и осмотрительным, ибо путь весьма скользкий.

Осторожность эта тем более необходима, так как следствие не всегда зависит от действующего, — не всегда полный продукт его желаний. Хотя логически следствие должно находиться в полной координации с мотивами, ибо, с этой точки зрения, следствие не что иное как созревший плод того дерева, зародыши и корни которого находятся в мотивах, — но фактически не всегда так бывает. Фактически эта необходимая координация иногда, если не совсем уничтожается, то извращается до неузнаваемости. Происходит это по той причине, что мотивам прежде чем перейти в следствие, необходимо пройти известную полосу, известный период — иногда больший, иногда меньший. И как дерево в своем росте не всегда может с точностью выполнить основной закон — стремление вверх, а, то под

влиянием ветра, то вследствие других причин, вынуждено отклоняться в стороны, — так и мотивы не всегда могут реализоваться исключительно по плану, выработанному заранее. Можно даже сказать, что такая реализация никогда невозможна, ибо она происходит не в мертвой, пассивной обстановке, а среди живых и активных сил. Действующие вокруг силы не только не расступаются, не расчищают путь новопоявляющемуся среди них явлению, но ожесточенно со всех сторон набрасываются на пришельца, всячески мешая ему продвигаться вперед. Закипает борьба — великая, жестокая... Сталиваются две силы: центробежная и центростремительная. И исход этой борьбы может быть очень различен: может победить та или другая сторона полностью, или же сойтись на компромиссах.

Вот почему, говоря о результате того или иного явления, необходимо прежде всего тщательно исследовать характер окружающих условий — уяснить, не повлияли ли условия, не отразились ли на конечном результате, и если отразились, то в какой степени, с какой силой. Затем следует достоверно убедиться — имеется ли налицо конечный результат, — быть может его еще нет, быть может он еще впереди, быть может еще будет... И только после этого можно судить о поступке с точки зрения результатов.

Задача, как это видно, не из легких: требуется не мало терпения, не мало скучной и кропотливой работы, не мало времени и сил. Гораздо легче, конечно, обойти все эти трудности вместо того, чтобы их выполнять. Гораздо легче избрать иной путь, — путь суждения о следствии без всяких предварительных исследований. Так оно и делается теми людьми, для которых беспристрастие — пустой звук. Таким людям совершенно не важен ни характер окружающих условий, ни особенность момента; им даже не важен сам поступок, а тем более достоверность его результатов. Всего что им требуется, — это имя совершившего поступок. Если они знают кем поступок совершен, то они без особого труда могут создать из мухи слона или слона превратить в муху. Все зависит от характера их отношений к совершившему поступок. Если такой-то человек им почему либо не нравится,

то пусть он устроит рай на земле — они только покачают головами и скажут: "Эка важность..." Если же этот самый человек допустит (быть может в силу исключительных обстоятельств) какое-нибудь прегрешение — они до небес поднимут крик: "Агу его! Агу его!..."

Разве это не слишком просто, не слишком легко? Разве здесь могут быть какие-либо трудности, какие-либо тяжести? Достаточно знать — кем поступок совершен, — вот и все.

Но, конечно, в тех случаях, где в основу кладется беспристрастие, такой метод суждения неприемлем. С беспристрастной точки зрения важно — не кем поступок совершен, а как и при каких обстоятельствах он совершен; чем он вызван, что он вызвал и согласуется ли вызванное с вызывавшим. И беспристрастный исследователь не может бояться трудностей и неудобств; он должен долго и упорно трудиться, — отыскивать и учитывать всякую особенность, всякую деталь, — ибо только таким путем может прийти к определенному заключению. Пути легкие и быстрые, — пути пролегающие под предвзятым углом зрения, — идут мимо главной цели: они обходят трудности, но в то же время обходят и суть вопроса. Идя этими путями, можно прийти куда угодно, но не к сущности вопроса. При том, держась этих путей, легко поскользнуться в самом главном пункте — в оценке. Едва ли может быть что легче и удобнее, как дать тому или иному явлению свою оценку, и в то же время едва ли может быть что труднее и сложнее, как дать явлению его настоящую оценку. А при таком положении очень и очень легко поскользнуться...

Оценка, несомненно, самая важная часть вопроса, если не по существу, то с чисто практической точки зрения. Важно, разумеется, знать причины, порождающие то или иное явление; важно знать, как, в каких формах и размерах явление проявляется; также важно знать, что оно вызывает; но наиболее важно — установить, так сказать, удельный вес явления, понимая под последним не тяжесть, а стоимость. Оценить явление — значит, разрешить вопрос окончательно во всех отношениях. После этого уже ничего не требуется (за исключением разве пресловутой "переоценки ценностей").

Но, с другой стороны, оценка так же трудна, как и важна. Можно сказать, что это одна из самых труднейших проблем, какие только приходилось человечеству разрешать. Достаточно поверхностного знакомства с теми отраслями науки, которые занимаются теорией ценности, чтобы убедиться, как упорно бьется человеческая мысль над этим вопросом. Пытаются подходить с разных сторон, с разных концов; создаются разные школы и направления; но в результате — чисто относительные достижения. Даже такая конкретная наука, как политическая экономия, не сумела до сих пор разрешить этот вопрос в окончательном смысле. Нельзя же, в самом деле, единицу рабочего времени или единицу затраченного труда, столь гордо выдвигаемых некоторыми экономистами, в том числе и анархистом Л. Черным, считать достаточными посылками для разрешения теории ценности. Всем известно, что при разных условиях, при разном расположении духа, при разных способах и средствах производства — для изготовления одного и того же предмета требуется разное количество времени и труда. Некая же средняя произвольно установленная единица, на которую обыкновенно ссылаются сторонники этой теории, несколько не разрешает трудности вопроса, ибо при помощи этой единицы, путем многочисленных цифровых комбинаций, можно определить лишь количество, но не качество работы или произведенного продукта. А ведь это будет большая несправедливость. Никто ведь не согласится, что работа Рафаэля, Эдисона, сапожника, кузнеца и т. д. — тождественна, и что ее можно измерить какой-то общей средней единицей. Да при том, как подогнать под среднюю единицу работу вача пожарного, или бросившегося в волны человека и спасшего утопающего? Словом окончательного решения нет.

Так называемая австрийская школа (к которой в большинстве случаев примыкают анархисты), кладущая в основу потребности человека, тоже не может дать определенного решения. Если допустить, что единственным мерилom являются наши потребности, то вполне естественно, что ценность угля в июле месяце будет одна, а в декабре — другая, а ценность печи для жителя архангельской губ. будет совсем

не та, что для жителя Италии. Иначе говоря, с этой точки зрения, ценность, как что-то абсолютное, совершенно уничтожается.

Но если трудно установить ценность, как что-то неизблемое, когда речь идет о предметах, то трудность эта тем более увеличивается, когда приходится иметь дело не с предметами, а с явлениями. В настоящее время, когда пишутся эти строки, газеты сообщают, что вождь индусов — Ганди, в знак протеста против братоубийства, объявил 21 дневный пост. Поступок Ганди, без сомнения, интересует и даже волнует всех — и друзей и врагов Индии. Однако, кто может дать определенную оценку этого поступка? С какой мерой, с какими весами можно к нему подойти и сказать, что ценность его такая то? Ведь это совершенно невозможно. Можно говорить о ценности (или неценности) поступка Ганди вообще, но выразить ее в цифрах — не в наших силах. "Жестокий! Ты ведешь счет мгновениям благословенным..." — говорится где-то у Байрона. И действительно благословенных мгновений нельзя считать по правилам арифметики; им чужд и непонятен язык цифр.

Главная трудность, с которой приходится встречаться при разрешении проблемы оценки, заключается в том, что здесь нельзя найти какой-то общей твердой точки, на которую можно было бы опереться и которую можно было бы противопоставить оцениваемому явлению, подобно тому как мы противопоставляем, напр., фунт весомому телу. В поисках этой опорной точки можно забраться в самые непроходимые дебри отвлеченных суждений — и все же цель не будет достигнута.

Характерные и вполне в данном случае применимые мысли были высказаны еще 2500 лет тому назад. Когда Будду спросили о сущности вселенной, то он ответил следующей притчей: "Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения и спросил их, каков вид слона. Слепцы ответили, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов шупал слона... Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь какой вид имеет слон. "Узнали, — отвечал один, — он похож на ведро". (Ссылка на туловище). —

"Нет, — прервал его другой, — он похож на столб". (Ссылка на ноги). А третий утверждал, что слон похож на канат. (Ссылка на хобот). Слепцы заспорили..."

Это изречение Будды по своей идее больше всего относится к теории познания. Но по форме оно как нельзя лучше подходит к теории оценки. Правда, не совсем-то логично и даже обидно уподоблять людей слепцам, понимая последнее слово в самом обыкновенном смысле. Как ни как, а люди все-таки имеют зрение... Но разве в этом суть? Разве дело в зрении, как таковом? Конечно, нет. Суть не в зрении, а в чем-то ином. В чем-же? — В том, что три человека, исследуя один и тот же предмет, пришли к совершенно не одинаковым выводам. Один нашел, что слон похож на ведро, другой — на столб, третий — на канат, — и каждый был твердо убежден, что слон похож именно на то, на что он казался ему похожим.

Совершенно не важно в данном случае, правильно ли слепцы узнали слона (это относится к теории познания, что несомненно и имел в виду Будда), — в данном случае важно, что каждый определил его по своему. Вот это "по-своему" и есть камень преткновения. Но оно же присуще не только легендарным слепцам Будды, но всему человечеству вообще, и каждому человеку в отдельности. У каждого человека где-то в глубине души таится какая-то незримая точка, какое-то ядро, служащее одновременно и опорой и критерием. Что бы человек ни делал, что бы ни предпринимал, он неизбежно опирается на эту внутреннюю точку, противопоставляет ее тем внешним объектам, с которыми ему приходится иметь дело, и таким образом, все его деяния подвергаются известному налету чего-то личного, чего-то внутреннего, чего-то субъективного.

Разумеется, налет этот по размерам может быть разным — большим и меньшим, но если попытаться определить в каких именно случаях большим, а в каких меньшим, то к числу первых без сомнения придется отнести оценку. В оценке доля субъективного достигает наивысшей точки, что считается бесспорным и что, с другой стороны, отрицает некоторых людей от оценки. Некоторые ученые, напр., утверждают, что миссия ученого заключается только в кон-

статировании явлений, но не в оценке, так как оценка неизбежно связана с субъективизмом, а субъективизм, по их мнению, не научен.

Научен ли субъективизм или нет — другой вопрос, но факт тот, что он играет весьма существенную роль в оценке. А так как субъективизм есть особенность каждого человека, то вполне понятно почему оценка не может быть единой. То, что для одного имеет такую то ценность, для другого может иметь иную, а для третьего, быть может, совсем не будет представлять никакой ценности. Установить же чье мнение верно, — кто прав, а кто виноват, — совершенно невозможно, ибо с субъективной точки зрения все будут правы, а других способов здесь нет. Правда, в тех случаях, когда расхождения бывают крайними, когда расходятся в самом главном, — можно еще подметить на чьей стороне больше истины. Но ведь же не всегда расхождения бывают резкими. Очень часто расходятся только в мелочах, только в деталях, в каких-нибудь второстепенных вопросах. В таких то случаях очень трудно определить где больше правоты.

В качестве объективного критерия иногда ставят пользу или выгоду. Говорят, что оценить то или иное явление, значит, определить степень приносимой им пользы. Быть может это и так; однако оно не делает никаких существенных перемен в вопросе. Пользы, как чего-то объективного, тоже нет. Польза, как и ценность, носит субъективный характер. Там, где один видит пользу, другой может совсем не находить ее...

* * *

Из этой беглой характеристики видно насколько сложна природа поступка, и сколько необходимо понести затрат, прежде чем определить его в более менее точном виде. А между тем до сих пор речь шла о поступке вообще — как о чем-то отвлеченном. Если же взять поступок, как явление вполне реальное, то эта сложность тем более увеличится. В последнем случае к сложной природе поступка прибавятся все те не менее сложные обстоятельства, в которых поступок происходит, и дело придется иметь не отдельно с поступком, а вкупе со всеми обстоятельствами.

Поступок московских товарищей, который

мы поставили во главу вопроса, именно и представляется в таком свете, т. е. в общей гуще обстоятельств.

К сожалению, статья приняла далеко несоответствующие для нашего журнала размеры, и мы не имеем возможности в данном случае остановиться на поступке московских товарищей более-менее подробно. Но и без этого ясно, что судить об этом поступке чрезвычайно трудно. Прежде всего, требуется иметь точное представление той обстановки, в какой поступок произошел: как отразилась смерть Ленина на общий ход событий, глубоко ли всколыхнула житейское море и чем именно всколыхнула. Затем, следует знать мотивы, которыми товарищи руководствовались, — а вместе с теми и последствия поступка. И, наконец, необходимо учесть как смерть вообще влияет на психику человека.

Все эти задачи очень сложные и для нас, живущих за тысячи миль от России, даже невыполнимые. Мы не можем представить ни точной картины Москвы во дни похорон Ленина, ни настроения людей в эти дни.

Но, увы, это только одна сторона, — сторона где логика и последовательность строго блудутся. Но здесь же есть и другая сторона, — сторона где на всякую логику можно наплевать.

Вот эту последнюю мы как раз и приняли. Мы совершенно не посмотрели на все те сложности, каковыми обставлен вопрос о поступке московских товарищей. Одним взмахом мы "раскритиковали" все и вся, скомкали, смяли вопрос, как американец жвачку, и, с видом знатока, заявили: позор!..

Эту фразу мы прокричали на все четыре стороны, совершенно не заботясь, что если бы кто спросил нас, в чем именно заключается позор, то мы не могли бы ничего ему ответить. Хорошо, что до сих пор нас никто не спросил об этом и мы свободно продолжаем носиться и кричать о позоре. В этом отношении мы несомненно счастливы. Однако нельзя думать, что Фортуна всегда будет нам так ласково улыбаться. Эта госпожа очень вероломна; она может неожиданно негаданно повернуться к нам спиной. Не мешало бы поэтому немножко задуматься, немножко взвесить за и против, вместо того, чтобы только шуметь.

Не следует, разумеется, подписываться под поступком московских товарищей (да этого никто и не требует, а если бы кто и потребовал, то мы несомненно не подписались бы), но зачем же так яростно рубить с плеча? Можно дело делать и поосторожнее, и поосмотрительнее. Можно и призадуматься, и поразмыслить, и сора-

змерить — не слишком ли, не через край ли. Все можно, если мы не желаем уподобиться Крыловской бочке...

Постараемся же не уподобляться... Постараемся доказать, что у нас есть не только недотатки, но и достоинства.

ЭТЮДЫ О КЛАССОВОЙ ПРИРОДЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Л. Черный.

I.

Классовый характер интеллигенции впервые с яркостью был вскрыт в современную нам капиталистическую эпоху.

В феодальном мире интеллигенция представляла из себя однородную массу; об одинаковом ее положении, как в производственном, так и распределительно-потребительских процессах жизни можно говорить почти без оговорок. И это положение было чисто трудовым.

В это время интеллигент был тем, что теперь обозначается термином "ремесленник".

Обладея орудиями труда и прилагая свой труд к ним, он совмещал в своем лице одновременно и рабочего, и предпринимателя, и "служу и хозяина". Писатель в одно и то же время был издателем и наборщиком; доктор, владея несложными инструментами своей специальности, был сущим тружеником, совмещившим в своем лице обязанности фельдшера, аптекаря и сиделки; учитель, обучая детей в своей школе, слицировал в себе одним весь современный учебный персонал от директора и инспектора до гимназического педедла включительно, странствующий с ящиком кукол или дрессированных крыс комедиапнт был в одно и то же время антрепренером и режиссером и сам же автором и главным исполнителем своих театральных представлений; музыкант, композитор и настройщик представляли одно целое; то же самое нужно сказать о художниках, проповедниках и ученых.

Но со времени феодальной эпохи утекло много воды; непронизводительный труд пережил с тех пор ту же самую эволюцию и дифференциацию,

как добывающая и обрабатывающая промышленность и под влиянием того же процесса капитализации. Интеллигент ремесленного типа, сохранившийся кое-где в некоторых отраслях труда, не попавших еще в сферу действия капитала, на наших глазах тает, обращаясь как в мгновенных волшебных превращениях, с одной стороны, в тощого пролетария, а с другой — в сытого буржуа.

Беглого обзора некоторых областей жизни достаточно для того, чтобы набросать процесс этот в общих чертах.

Возьмем в качестве иллюстрации литературный мир. Прежний писатель-ремесленник, наминавший своеобразным классовым характером своим двулкие фигуры игральных карт, распался на составные части, выделив из себя литературного предпринимателя-издателя, обладающего капиталом и орудиями производства и интеллигента-пролетария, журнального сотрудника, переводчика, публициста, репортера, корректора и т. д., принужденных продавать свой труд литературному капиталисту.

Пример из медицинской сферы. Доктор одиначка начинает понемногу выдвигаться. В современном строе его вытесняет крупная лечебница с электрическими машинами, целебными грязями, дорого стоящими душами, целым арсеналом хирургических орудий, разными антисептиками и радиоактивным фотографированием, недоступными мелкому ремесленнику и делающими его труд, не соответствующим требованиям современной техники производства, сходящим его на положение знахаря. Одно уже высокое разделение труда, существующее в лечебницах, губит

мелкого производителя скорее, чем промышленная техника. Современный доктор начинает представлять из себя лишь "гайку от шестерни" в медицинских предприятиях и принужден, как рабочий, не только продавать свой труд, но зачастую торговать и совестью.

В педагогическом мире этот процесс дифференциации тоже почти завершен. Здесь частные школы и училища, равно как и государственные гимназии и университеты с их "аттестатами и правами" совершенно вывели мелкого производителя, оставив на его долю только репетиторство — это заплатное ремесло для бесплодных голов буржуазного мира.

Говорить ли о мире искусства, где, как в театальной сфере, пролетарии артисты для обуздания алчных appetitов капитала начали соединяться в союзы?

Говорить ли о том, что театральные труженики, создающие своим гением и работой гигантские состояния антрепренерам, сплошь и рядом умирают в богадельнях и под заборами? Что в то время как "рабочая кляча" отправляется на подмостки "пахать" своего Шекспира и тратить мозг нервов и кровь сердца, жирный предприниматель покойно сидит за кассой и считает выручку? До сих пор еще для артистов торговля собой остается почти столь же обязательной, как и служение красоте. Так капитал накладывает свою тяжелую, мертвящую руку на самый дух и направление театрального искусства.

А религия? Где апостолы, подпоясанные бичевой? Где пророки, поучающие народ?

Без каменных храмов, без капищ, без бриллиантовых крестов теперь невозможно отправлять профессии священнослужителя — будешь, как расстрига, заперт в монастырской тюрьме.

В среде ученых и изобретателей, даже гении попадают в открытые шлюзы капиталистического потока. Нет уже древних алхимиков, сидящих на чердаках, Архимедов, чертящих свои теоремы на песке — фабрики изобретений приходят им на смену. Достаточно упомянуть о таких учреждениях как лаборатория Mungo Park в Америке, Томаса-Густона в Париже, Siemens в Лондоне и Берлине, где гений продает себя

за месячную чечевичную похлебку, где работают десятками ученые наемники химии (напр., во Франкфурте на фабрике аннилиновых красок более 100 человек).

Во многих других отраслях интеллигентского труда процесс капитализации принял другие формы; самостоятельный ремесленник интеллигент не разделился на две противоположных составных части: хозяина и работника, а прямо вступил в качестве пролетария-наемника в предприятия промышленно-земледельческих отраслей производства, как инженеры, агрономы и т. д.

Продолжать ли наше исследование дальше? Сказанного вполне достаточно для того, чтобы видеть, что капитализм стал твердою ногою в мире интеллигентского труда, торжествует по всей линии жизни и каждый день, во славу его, Молоху-Капиталу приносятся все новые и новые человеческие жертвы.

Существует совершенная аналогия между этой эволюцией и тем великим промышленным переворотом, итоги которого были подведены в 1789 году и в результате которого были выброшены на поверхность жизни действием вулканического извержения общественных сил два новых молодых класса — буржуазия и пролетариат — пресловутое "третье сословие".

Интеллигенция есть также совокупность классов, обязанных своим происхождением аналогичному процессу дифференциации, имевшему место в области непроизводительного труда.

Полный параллелизм представляет и современное отношение экономистов к интеллигенции с отношением их к промышленным классам в феодальную эпоху. Промышленников на заре феодализма, как в настоящее время интеллигенцию также не считали производительным классом общества (достаточно вспомнить по этому поводу иден физиократов) и также отказывали им в классовом строении. И тогда обрабатывающая промышленность находилась в том же состоянии динамического образования, как ныне "непроизводительная".

II.

Было не мало уже сделано попыток писателями различных направлений выдать безсрочно проживавшей до сих пор интеллигенции какой-

либо классовый вид на жительство. Но все они оказывались краткосрочными и интеллигенция вновь привлекалась к литературному суду, а иногда и прямо тащилась, как в веках в литературный "участок".

В настоящее время определилось 9-10 теорий классового строения интеллигенции.

Как ни противоречивы эти теории между собою, но критическое рассмотрение их, даст нам возможность найти, если не верное, то во всяком случае более близкое к истине решение вопроса.

* * *

§1. Интеллигенция, как "двуспособнопроизводственная категория".

Первая теория о классовом строении интеллигенции была создана целым рядом безымянных авторов; взгляды этой школы наиболее ярко изложены Зайцевым: в его передаче мы и познакомились с двуспособнопроизводственной теорией.

"Сознательные слои, — пишет он, — крупных, средних и мелких капиталистов и землевладельцев и сознательные слои высококвалифицированных, обученных рабочих, все — интеллигенция, которая, таким образом, делится на буржуазную, пролетарскую... Каждый класс, каждая группа в него входящая, имеет свою интеллигенцию; интересы различных слоев интеллигенции настолько же между собою противоположны, насколько противоположны интересы классов и социальных групп. Общественная жизнь и деятельность интеллигенции есть отраженная борьба классов и социальных групп" (1).

В этой выписке выпукло и рельефно выступают основные контуры двуспособнопроизводственного мирозерцания: интеллигенция не образует из себя самостоятельного отдельного агglomerата, и не стоит вне классов, под классами или над классами, но как бы вкраплена в производственные классы, составляя одно целое неделимое с ними. Интеллигент, это — наиболее развитые представители каждого из промышленных классов.

Основной недостаток этой теории — ее анахронизм.

Лет сто — двести тому назад интеллигенции, как самостоятельной категории экономического строя, действительно не существовало, и функ-

ции интеллигентского труда были лишь побочным занятием разных производительных классов, до крестьян и рабочих включительно. (Помещики литераторы в роде Лярошфуко; Спартаки среди рабов).

Теперь не то: в нашу эпоху существуют целые кадры умственных работников, ведущие интеллигентскую родословную в течение нескольких поколений.

* * *

§ 2. Интеллигент — внеклассовое существо.

Второй на свет родилась теория внеклассового состояния интеллигенции.

Эта теория имеет за себя блестящую плеяду писателей. Мы познакомимся с ней через Мауренбрехера и Бердяева. Первый познакомит нас с экономическими основами теории, второй осветит нам идеологическое *credo* интеллигенции.

Мауренбрехер: "Интеллигенция не является определенным классом... Это есть слой людей различных профессий и различного материального положения, связанных между собою культурными интересами, привычками и общественным положением" (2).

Бердяев: "Интеллигент не имеет непосредственной связи с той или иной экономической группой, он живет прежде всего интересами разума, интеллекта; духовный голод есть преобладающая страсть" (3).

Рассмотрим эти аргументы. Внеклассовая теория интеллигенции выводит свои основные положения из следующего силлогизма.

Большой посылкой является предположение, что интеллигенция стоит вне производства, как бы над ним или под ним и в промышленной жизни страны не принимает никакого участия (4). Малая посылка состоит из констатирования факта, что принадлежность того или иного слоя общества к тому или другому классу есть чисто экономическая категория, всецело основывающаяся на его хозяйственной деятельности. Отсюда заключение: интеллигенция, будучи по самой своей природе лишена производительного характера, не может иметь ни классовой природы, ни классового естества.

Если принять эти посылки (а они на первый взгляд кажутся неотразимыми), то нельзя не согласиться, что иметь привилегию классово-

го строения могут только земледельчески-промышленные классы, как создатели стоимостей, а интеллигент не может быть не чем иным, как классовым кастратом, экономически нейтральным существом.

Но посылки эти не верны.

Интеллигенты — такие же люди, как и другие смертные. Они имеют потребности и для удовлетворения их борются им свойственными, своеобразными средствами: без борьбы для них настала бы смерть. Прошли уже для всех времена, когда можно было жить "манной, посылаемой богом" и быть подобными "птицам небесным", которые не сеют и не жнут. Теперь добывают себе средства к жизни, проталкиваясь зубами и кулаками, зачастую вооруженные сложным арсеналом орудий, а где есть борьба за жизнь, там люди должны стать в определенные производственные отношения и, следовательно, приобрести то или иное классовое строение. Каково оно — это не тема настоящей главы, здесь для нас важно доказать лишь ту истину, что интеллигенция не может иметь классового строения. А раз так, то с крушением экономического базиса постройки, неизбежно должны рухнуть и идеалистические надстройки, т. е. столь дорогая для авторов теории привилегия интеллигенции жить исключительно духовными интересами, вопросами "правды-справедливости" и "истины-добра" и быть естественным посредником между господствующими и угнетенными: там, где есть земная атмосфера, есть и микроб классовой психологии.

* * *

§ 3. Интеллигент — выходец.

Следующей по счету идет теория интеллигенции, как выходчества. Эта теория имеет наибольшее число представителей и разработана лучше других. К ней примыкают Плеханов, Берлин, Шулятиков. Возьмем работу Шулятикова, ибо она удобнее других для конспективного изложения.

"Иллюстрируем наш тезис обзором смен направлений в русской литературе XIX столетия..." Интеллигенция просветительной эпохи представляет из себя довольно пеструю толпу. В этой толпе сын крестьянина стоял рядом с сыном мелкого дворянина, сын священника с сыном ка-

кого-нибудь лекаря-саксонца, сын чиновника рядом с сыном мещанина или приказчика... В начале XIX века интеллигент-разночинец перестает на время играть первостепенную роль, ступает в вывеза на время в толпе интеллигентов дворян... Если он изредка заявляет о своем существовании, то должен делать это робко, подделываясь под общий тон и вкусы доминирующей интеллигенции... Мы не будем здесь вскрывать тех причин, которые создали новую интеллигенцию... Во всяком случае появление кадров новой интеллигенции есть исторический факт... Из провинциальной глуши пришельцы принесли с собой запас своеобразных впечатлений, верований... Режим городской цивилизации не в состоянии перевоспитать их натуру, дисциплинировать их чувства... Романтическая эпопея продолжалась недолго. В Николаевскую эпоху интеллигенция мало-по-малу начинает менять свою физиономию: разночинец снова начинает завоевывать потерянное им значение... Состав интеллигентской ячейки продолжает еще включать в себя значительное число неразночинных элементов. Проводниками разночинной "идеологии" выступают во многих случаях интеллигенты феодального происхождения — и в своей массе передавая интеллигенции 40-х и 50-х годов проникнута духом риторического отрицания старых культурных веяний. Наступили 60-е годы. Ряды интеллигентов пополнялись в такой степени, как никогда прежде лицами, вышедшими из непривилегированных классов. И разночинная идеология никогда раньше не отливалась в такие определенные, яркие формы... Разночинец делает свой мир недоступным для всех тех чувств и наклонностей, которыми жили малоэнергичные, пассивно покоряющиеся судьбе не умеющие за себя постоять, легко поддающиеся гипнозу астоя питомцы дворянских гнезд... Тем временем на историческую сцену выступили новые элементы разночинной интеллигенции. Виднейшие теоретики решительной схватки с преданиями старины не принадлежали к низким слоям разночинного общества. Теперь среда мелкого духовенства и мелкого мещанства выкинула из своих недр интеллигентов-пролетариев. Воспитавшиеся в атмосфере непрерывных бессильных страданий и бессильного озлобления, с детства забытые и

угнетенные, они не разделяли оптимизма первоучителей разночинной догмы" (5).

Основные положения только что изложенной теории можно свести к следующ. двум тезисам:

1) Интеллигенция имеет классовое строение: она распадается в классовом отношении на интеллигентов-буржуа, трудовую интеллигенцию и интеллигентов-пролетариев, но эта классовая принадлежность определяется не текущими формами производственных отношений, господствующими среди нея, но ее прошедшею материальную средою, т. е. тою средою, когда она еще не оторвалась от производительных классов, из которых вышла впоследствии. Интеллигенты-буржуа, скажем, не потому буржуа, что они "эксплуатируют" своих собратьев по ремеслу, но потому, что они дети привилегированных классов и вышли из буржуазной среды.

2) Интеллигенция имеет классовую психофизиологию, но опять таки не как результат ее современной борьбы за жизнь, но как наследие от бывших способов производства.

Миросозерцание интеллигенции, видите ли, сплошная традиция, воспринятая от ее прежнего положения (и положения предков, если мы имеем дело с интеллигентом второго или третьего поколения): в своем существе теоретические взгляды ее пережитки идеологии старого класса, к которому она принадлежала раньше: практическая платформа ее — проведение в жизнь суммы опытов и навыков, вынесенных ею из ее внеклассового существования.

Нетрудно заметить, что характерная особен-

ность этих положений заключается в том, что природа интеллигенции выводится не из занимаемого ею положения в данный момент, а из бывшего когда-то раньше, когда она не была еще вырвана из своей прежней стихии, т. е. ее происхождения, и интеллигенты в ней напоминают собору людей с перевернутыми назад головами, изображенными в "Божественной Комедии" Данте.

Несостоятельность этой концепции наглядна.

Традиции, несомненно, играют важную роль в жизни, но придавать им такое преувеличенное значение, как это делают (теперь вернее сказать делали) С.-Д., значит злоупотреблять законами Истории. Во всяком случае подобное миропонимание простиительно еще Тарду и его школе, но никоим образом не экономическим материалистам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

*) Статья эта была помещена в журнале "Бич"

№ 1 — 1917 г.

(1) Зайцев. Образование 1908 г. III т., стр. 69.

(2) Мауренбрехер. стр. 45.

(3) Бердяев. Мир Божий. 1903 г. 10.

(4) Эта идея непроизводительности интеллигентского труда очень распространена и владеет даже таким трезвым писателем как Туган-Барановский: "...Интеллигенция не может составлять и самостоятельного класса sui generis, хотя бы уже потому, что значительная часть интеллигенции занята трудом, не имеющим хозяйственного значения (напр., адвокаты, врачи, ученые...)"

(5) Реалистический сборник. стр. 580—586.

Я в груди затаил роковую тоску
И мерцающий свет идеала,
От рожденья до смерти живу
Под гнетущей пятой капитала.
Жизнь моя прозябанье день ото дня,
Отрицание счастья и воли;
От тяжелой работы согнулась спина,
На руках трудовые мозоли.
Эй! работай, батрак! мне хозяин велел,
У станка я покорно склонился
И про волю забыл... Год за годом летел,
Я молчал, голодал и трудился.

Век живи, век трудись среди лишений, обид...
Знать судьба тебе так приказала...
А в груди возмущения голос звучит:
Ты наемник, ты раб капитала!
Твой хозяин хитрец, твой хозяин паук,
Он умело владеет машиной;
Из твоих невозможных усилий и мук
Золотую он тклет паутину.
Что хозяин!.. похуже враги у меня
Есть и с ними свести надо счеты!
Самый лютый мой враг — моя темнота,
Суеверья и рабья забота.

А. К.

АНАРХИЗМ И ЭТИКА.

Анатолий Горелин.

(Окончание).

Сейчас реакция свирепствует во всем мире. Трудящиеся массы разочарованы благодаря тем плачевным опытам, которые были наделаны в России коммунистами. Трудящиеся больше ни во что не верит и ничего не добиваются. Даже пред лицом реакции и наступлением власти, они молчаливо отступают. А иногда даже переходят на сторону реакции.

И этот урок — урок русской и других революций, для нас анархистов не должен пройти даром. Мы должны наконец научиться как не делать революции. И наконец понять как нам вести нашу ежедневную пропаганду и жить уже сейчас в современной жизни, чтобы и будущие революции не должны были повторить опыт прошлых. Ибо революции осуществляют на практике те идеи, которые пропагандируются в периоды реакций. Раньше было ясно для каждого анархиста, что личность есть самое ценное и самое важное в жизни и что взаимная помощь и сосуществование разных идей — естественны. Не только сосуществование разных идей анархизма, но и разных других идей.

Мы вообще не можем себе представить социальную революцию, которая бы совершилась во всем мире в одно и то же время, ни даже в одинаковой степени охватила бы одну и ту же страну. Тем паче, что мы не собираемся и не думаем пропагандировать идею навязывания силой наших идей.

Пример: личности докажут опытным путем людям предпочтительность жизни свободной, без привилегий и принуждения, подчинению авторитету. И лучший пример для этого же момента, сейчас же, в наших собственных рядах в взаимных отношениях, наши идеи. Терпимость есть первый шаг в этом направлении. Ибо — что стоят наши слова, наши добрые намерения, наша прекрасная теория, если мы сейчас же в нашей практике не начнем применять наших идей. Если наша пропаганда о равенстве, взаимности, терпимости и о естественных возможностях лучших взаимоотношений не проявляется нами самими в точности сейчас. Если в наших собствен-

ных рядах мы так же нетерпимы, мы также мелочны, так же расчетливы, так же неестественны и так же безнравственны и аморальны, как и любой член буржуазного общества.

Мы отрицаем закон, религию и власть. Мы отказываемся уродоваться и уродовать других во имя мертвых идеалов. Но мы хотим, чтобы люди практиковали новую жизнь, проявляли ее в жизни не по принуждению, а по собственному внутреннему влечению, по естественной, в человеке инстинктивно тающейся силе нравственности. По своей внутренней естественной сущности. И чтобы его проявления были не во вред другим личностям и группам, а на пользу их, на пользу всех людей.

И эта нравственность, эта естественная потребность в самопроявлении и в излиянии избытка своих сил и творческих порывов говорит человеку только одно: действуй. Практика уже научает человека руководить направлением его действий. Ни люди, ни какаля бы то ни было наука ничего не может никому предписать.

Изучение жизни природы и человечества показывает, что "эта наука" — как говорит Кропоткин — только сможет сказать людям: "Если ты не чувствуешь в себе силы, если твоих сил как раз достаточно для поддержания серенькой, монотонной жизни, без сильных ощущений, без больших радостей, но и без больших страданий, — ну, тогда придержишься простых принципов равенства и справедливости. В отношениях к другим людям, основанных на равенстве, ты все же найдешь наивысшую сумму счастья достижимого тебе при твоих посредственных силах."

"Но если ты чувствуешь в себе силу юности, если ты хочешь жить, если ты хочешь наслаждаться жизнью, боющею через край, если ты хочешь познать наивысшее наслаждение, какого только может познать живое существо, — будь силен, будь велик, будь энергичен во всем, что бы ты ни делал."

"Сей вокруг себя. Заметь, что обманывать, лгать, интриговать, хитрить — это значит унижать себя, мельчать, заранее признать себя сла-

бым: так поступают рабы в гареме, чувствуя себя ниже своего господина. Что-ж — поступай так, если это тебе нравится; но за то знай заранее, что и люди будут считать тебя тем-же: маленьким, ничтожным, слабым; так и будут они к тебе относиться. Не видя твоей силы, они будут относиться к тебе, в лучшем случае, как к существу, которое заслуживает снисхождения — только снисхождения. Не сваливай тогда своей вины на людей, если ты сам таким образом надломил свою силу.

"Напротив того — будь сильным. Как только ты увидишь неправду и как только ты поймешь ее, — неправду в жизни, ложь в науке, или страдание, причиняемое другому — восстань против этой неправды, этой лжи, этого неравенства. Вступи в борьбу. Борьба, это ведь — жизнь; жизнь, тем более кипучая, чем сильнее будет борьба. И тогда ты будешь жить, и за несколько часов этой жизни ты не отдашь годов растительного прозябания в болотной гнили.

"Борись, чтобы дать всем возможность жить жизнью богатой, бьющей через край; и будь уверен, что ты найдешь в этой борьбе такие великие радости, что равных им ты не найдешь ни в какой другой деятельности.

"Выбор в твоих руках" *) заканчивает Кропоткин свою лекцию о нравственных началах анархизма.

И это есть то основное начало, которое мы стремимся пробудить в каждом человеке, в каждой личности. Мы стремимся выявить в человеке избыток его энергии и превратить ее в животительный поток нравственности и творчества, влить ее, эту силу, в гигантский, мощный поток живой двигательной силы для творчества новой лучшей и свободной жизни.

Мы стремимся пробудить в личности те зачатые силы, которые в силах сотворить новый мир, дать иное направление всей жизни, а может и проникнуть в тайны и самого Бытия.

Мы стремимся пробудить в человеке его личность, ибо эта личность есть и носительница общественного начала, и строительница нового и лучшего и в то же время носительница и той

нравственной силы, которая может служить базой нового лучшего будущего.

Ибо ведь и сама идея экономического равенства есть в своей основе идея чисто этическая, идея нравственная. Без сознания равенственности личностей, т. е. без идеи справедливости не может быть и представления об экономическом равенстве.

"Суть справедливости — уважение к ближнему; это многократно и вторил Прудон. Мы знаем, писал он, что собой представляет справедливость; определение ее можно привести к следующей формуле: "уважай ближнего как самого себя, даже если ты не можешь его любить, и не допускай, чтобы его также, как и тебя самого не уважали". "Вне равенства нет справедливости" *).

И действительно, выбрасывая за борт жизни закон, религию и власть, отказываясь от принуждения и принципа подчинения авторитету, что ставит идея анархизма на место всего этого? Чем, думают анархисты, заменяются эти принудительные нормы? Какая **внутренняя сила**, займет место **внешнего принуждения**?

Естественные, в самом живом человеке заложенные живые силы: взаимная помощь, чувство равенства и справедливости и этическая сущность личности. И поэтому то мы отстаиваем право каждой личности на полную свободу. Ибо мы хорошо изучили животную и человеческую природу, и знаем, что не благодаря внешней силе и принуждению он получил свои общественные и прогрессивные инстинкты, а именно благодаря своим естественным природным инстинктам. Принуждение же и внешняя власть как раз мешали развитию общности и проявлению прогрессивных задатков личности и ее творческих сил.

Поэтому свобода и равенство суть естественные основы личной и общественной жизни, — основы естественно-свободного общежития. И — основы анархизма вообще.

"Нужно заметить, — говорит Кропоткин — что принцип, в силу которого следует обращаться с другими так же, как мы желаем, чтобы обращались с нами, представляет собой не что иное

*) П. Кропоткин — "Нравственные начала анархизма", стр. 62—63.

*) П. Кропоткин — "Этика", стр. 203.

как начало Равенства, т. е. основное начало анархизма. Как же можно считать себя анархистом, если не прилагать его на практике?

“Мы не желаем, чтобы нами управляли. Но этим самым не объявляем ли мы, что мы в свою очередь не желаем управлять другими? — Мы не желаем, чтобы нас обманывали, мы хотим, чтобы нам всегда говорили только правду; но тем же самым не объявляем ли мы, что мы никогда не хотим обманывать, что мы обязываемся всегда говорить только правду, всю правду? — Мы не хотим, чтобы у нас отнимали продукты нашего труда; но тем самым не объявляем ли мы, что мы будем уважать плоды чужого труда?”

“С какой стати, в самом деле, стати бы мы требовать, чтобы с нами обращались известным образом, а сами в то же время обращались бы с другими совершенно иначе?...”

“Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы обращались с нами, что мы не желаем больше терпеть неравенства, которое позволяло бы некоторым из нас пользоваться своею силою, своею хитростью илимышленностью в ущерб нам. Равенство во всем — синоним справедливости. Это и есть анархия*”).

И в нашей ежедневной пропаганде, в нашей ежедневной жизненной практике, теперь же мы должны руководиться этими основными началами нравственности, если мы хотим, чтобы наша пропаганда была действенной, чтобы наша пропаганда была жизненной, революционной и анархической. Ибо только такой активностью и такой самопроявляющейся личной деятельностью, мы сможем в людях пробудить их лучшие прогрессивные инстинкты и чувства, и двинуть их по пути к строительству новой лучшей жизни.

Революция воплощает в жизнь те идеи, которые приносились массам в дни реакции. Превращают в общественную практику то, что носилось в умах людей и практиковалось ими в малом масштабе и в ограниченном размере в моменты общественного зстоя.

И только из опыта, из практики отде-

льных личностей, может практически вырасти новая личность и новая общечеловечность.

* * *

Но мы должны практику эту, анархическую практику, продельывать не только в наших рядах. Мы должны эту же анархическую практику вынести и за пределы нашей среды.

Терпимость и сосуществование должны быть основами всей нашей деятельности. И даже в борьбе и в самые острые моменты взаимных столкновений мы не должны теряться и не быть анархистами, не быть высоко нравственными и справедливыми. Мы никогда не должны забывать равноценности личности.

Мы обязаны — как говорил Бакунин — бороться и выступать против чуждых нам идей, но мы должны бороться прежде всего против идей, а не против личностей и ни в коем случае мы не можем и не должны бороться теми же средствами какие практикуются сейчас: ненавистью, ложью и принуждением. Мы должны бороться против идей, но быть терпимы к людям.

Еще в 1906 году на конференции русских анархистов в Лондоне т. И. Ветров говорил в своем докладе об “отношении коммунистов-анархистов к существующим в России политическим партиям”:

“Полная терпимость к людям, к какой бы партии они не принадлежали; полная непримиримость по отношению к программам других партий, независимо от степени их расхождения с нашим основным принципом... *)

И это было подтверждено всеми присутствовавшими на конференции, среди которых был и П. А. Кропоткин.

А последние годы, особенно после последних революций, эта идея неизбежности сосуществования разных идей и даже разнообразных общественных форм, еще более углубилась и приняла более определенный характер.

Макс Нетлау в своей статье: “Еще слово о взаимной терпимости и сосуществовании”, старается поставить в анархической среде вопрос

*) П. Кропоткин — “Нравственные начала анархизма”, стр. 35—36.

*) И. Ветров — “Отношение коммунистов-анархистов к существующим в России политическим партиям”, см. “Анархизм и Революция” (Доклады и заключения, 1906 года), изд. 1922 г. стр. 53.

о необходимости и неизбежности взаимной терпимости и даже сосуществовании между различными массами с различными идеями и общественными устремлениями, что является единственной возможностью, чтобы доказать практически превосходство той или другой формы общественно-го сожительства. Терпимость есть база и основа свободной жизни; принуждение же и насилие — жизни рабской.

И массы терпимы даже и теперь. Они не посят в себе ненависти, не имеют чувства взаимной борьбы. Это "вожди" — говорит Макс Нетлау — суть фанатики мономаны, которые воображают себя отыскавшими твердую догму и имеющими миссию навязывать ее убеждением, авторитетом, или кровью и железом, по своей собственной прихоти. А рядом с этими интеллектуальными вождями, которые все-таки могут быть честны, имеется большое количество **политических вождей**, которые хотят восторжествовать благодаря идеям, другими найденным и благодаря массам, которые умеют вербоваться.

"К несчастью, чем больше приближаемся к социализму, тем больше он превращается в предмет амбиций этого вида вождей... Это есть те люди, которые не хотят сосуществования (*convivencia*), которые добиваются своей персональной монополии, своей диктатуры" *).

Вот в чем сущность болезни всех движений трудящихся и даже социалистических и анархических.

Массы говорят о новой жизни, для всех свободной и счастливой. Вожди же хотят навязать свои идеи и заставить всех остальных жить по их прихоти, по той или другой догме личности или группы.

Но книги и идеи не создают жизни. Они только влияют на ход и направление жизни. Жизнь же создается **всеми** людьми, которые принимают участие в жизни, в обществе. Книжки только помогают людям понять прошедший опыт, разобраться в самой жизни и не повторять плохого и ненужного из опытов прошлого.

*) Max Nettlau — "Una palabra mas sobre la tolerancia muxua y la convivencia" (см. Suplemento de "La Protesta" B. Aires, № 112.

Поэтому — неизбежно, что каждый человек, и каждая группа людей, имеет свои идеи, свои представления, свой опыт и свои понимания жизни, но их идеи о новом лучшем обществе есть и будут, более или менее, разные, так же как и их понятия о путях и методах для достижения этой лучшей жизни.

Терпимость поэтому не только идеологическое пожелание, это — **практическая** потребность жизни, это — практика прошлых революций.

В каждый момент нашей жизни мы боремся против нетерпимости, против лишения нас права жить, думать и проявлять себя по нашему пониманию, боремся за право каждой личности в современном обществе думать и мыслить, объединяться и выявлять себя по своему пониманию.

Даже сейчас мы боремся всеми силами против **нетерпимости** большевиков, и вся борьба слева против большевистской диктатуры в России, во все время революции, именно и заключалась в этой борьбе против **нетерпимости**, это стремление **навязать** силой принудить всех жить по указке вождей или партий, по принуждению одной партийной группировки и ее идей, привела к гибели и всю русскую революцию.

Кропоткин "не один раз говорил, что, может быть, именно вследствие отсутствия этого возвышенного морального идеала русская революция и оказалась бессильной создать новый общественный строй на началах справедливости и свободы и зажечь другие народы революционным пламенем..." *).

И поэтому если мы не хотим, чтобы будущие революции опять оказались, в конечном итоге, только кровавыми бойнями народных масс и удовлетворением стремлений малых и больших вождей, мы должны сейчас же приучать себя и других к новой жизни, вырабатывать и **практиковать**, сейчас же, эту новую высшую этику, которая заложена в наших инстинктах.

Терпимость есть первый шаг по пути к новой высшей человеческой этике, "первая ступень" для анархической личности, и если мы не приступим к выращиванию этой новой этики, если мы не создадим основы **общечеловеческой**,

*) Н. Лебедев — Послесловие к "Этике" Кропоткина ("Этика" стр. 252).

т. е. естественной этики, будущие революции потерпят то же крушение, что и революция русская.

„Интенсивность и насилие ненавистей — говорит Макс Нетлау в той же статье — нас так мало продвигают вперед, как это замечается во всех частях света кругом нас. Одним или другим способом мы должны найти средство, чтобы выйти из этого затруднения“ *).

И действительно, правда жизни говорит в этих словах. И даже больше, это есть практика каждодневной жизни не только между разными идеологиями и идеями, но даже между отдельными группировками одной и той же идеи.

Ненависть, ненависть и ненависть, вот кто господствует сейчас в рабочих рядах, и даже анархических; личности, считающие себя избранными, мнящие себя „героями“ ни за кем не желают признавать даже права критики и анализа действий, движений и групп, и отвечают окриками, оскорблениями, самыми грязными и низкими словами и способами, и даже с необоснованными и а-моральными обвинениями на каждое недовольство или несогласие отдельного товарища или группы товарищей.

И поэтому терпимость и нравственность не только — жизненные необходимости в человеческом общении, но так же и в рядах анархистов, и особенно именно между анархистами более интеллигентными и более передовыми, и которые поэтому, должны выявлять это этическое начало в еще более сильной степени. Ибо личности, не обладающие сами основами для человеческого взаимосожития: терпимостью и уважением к человеческой личности, не могут оказать никакого содействия нашему общему великому делу освобождения человечества не только от власти и капитала, но и авторитета.

Но терпимость и уважение к человеческой личности — эти две основы равенственности личностей — возможны только тогда, если идеи людей содержат эту этическую базу, базу общечеловеческую, которая неизбежна во всяком тру-

довом, революционном и, особенно, анархическом движении.

После 50-ти лет революционной и научной работы Кропоткин взялся за писание своей „Этики“. И писал он ее не как научную догму, а как практически жизненно потребную вещь, необходимую в каждодневной практической работе и борьбе, каждому трудовому и каждому живому мыслящему человеку.

Кропоткин писал свою „Этику“, чтобы зажечь новый свет в сердцах новых нарождающихся поколений, влить в них новую силу для борьбы и вдохновить их новым содержанием всей их жизни и их личности на великий крестный путь к новому свободному и высоко этическому человеческому общежитию. А главное, внедрить в сознание трудящихся, в сознание революционеров, необходимость выработки этической личности и указать, что революция, не создающая новой более высокой этической общественной и личной основы, не может быть революцией народной, а тем паче, не может быть революцией социальной.

И мы, если хотим действительно быть анархистами, должны поднять выпавшую из рук великана анархической мысли сотканную канву внешней человеческой морали и работать для создания морали более высокой, более человеческой, более социальной и более солидарной, в жизни людей и, особенно, среди анархистов.

Ведь и экономическая борьба не есть цель сама по себе. Идея экономического равенства, как мы указывали уже раз выше, основана на базе этической, на базе равенственности личностей, без которой не может быть и разговора о равенстве экономическом.

„Исходная точка идеи справедливости — это чувство личного достоинства. В общении с другими это чувство обобщается и становится чувством человеческого достоинства. Разумное существо признает его в лице другого — будь он друг или враг — как в самом себе“, излагает Кропоткин это понятие об исходной точке идеи справедливости у Прудона. „Суть же справедливости это уважение к ближнему“ *).

Мы хорошо знаем из опытов прошлого —

*) Max Nettlau — „Una palabra mas sobre la tolerancia muxua y la convivencia“ (см. Suplemento de „La Protesta“ B. Aires, № 112.

*) П. Кропоткин — „Этика“, стр. 201.

и этого уже больше не приходится доказывать — что ни завоевание власти пролетариатом, ни вся власть рабочим организациям, ни "герон" не создают новой жизни: каждый рабочий, каждый труженик, каждый революционер, каждый человек будут принимать участие в этом творчестве.

"...Исход борьбы — говорит Кропоткин — будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей..." *).

Только при практике взаимной помощи и уважения к человеческой — живой человеческой — личности и в сосуществовании разных идей и разных общественных организаций, сможет создаться **практически** жизнь свободная и равноправная, которую мы проповедуем теперь нашим анархическим идеалом. Но ведь даже и не чисто анархическая формула: "освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся" — предполагает, что именно все трудящиеся будут участвовать в своем освобождении, а не только та или иная группа трудящихся будет освобождать всех. И поэтому и рабочим можно напомнить: "боритесь за ваше освобождение, боритесь против идей чуждых вам, но относитесь терпимо к носителям этих идей, как и они должны относиться к вам. Иначе ваше освобождение никогда не осуществится на практике, не будет практически вашим".

Терпимость, уважение к личности и сосуществование разных идей и разных общественных форм жизни единственный возможный путь в революции: свобода творчества новой жизни для всех одинаковая и борьба со всякой попыткой со стороны кого бы то ни было навязать другим свои формы силой и принуждением.

Без этой основной нравственной базы, жизнь не может двигаться вперед. Взаимной ненавистью и взаимной борьбой можно только окончательно убить всякое революционное движение трудящихся, даже анархическое.

И для того, чтобы создать действительно лу-

чшее общежитие, анархисты должны быть такими по возможности в каждый момент, **теперь же, сейчас же**, — быть высоко нравственными и терпимыми ко всем людям без исключения и уметь сожительствовать с ними. Мы должны бороться, повторяю это, против противных нам идей, но должны быть терпимыми по отношению ко всем людям.

Человечество не есть один какой-нибудь класс. И личности сознательные и терпимые, а не партии, не рабочие организации, создадут свободную жизнь.

И поэтому мы должны заявить во всеулышание: мы есть и должны быть анархистами в нашей жизни, в нашей борьбе. Терпимость, любовь и сосуществование будут вести нас вперед наши мысли, наши анархические личности, даже в каждодневной общественной борьбе. Наша идея, сама в себе, содержит этическую базу новой общественности без власти и всякого принуждения, сущность жизни в свободной и радостной жизни анархической.

Анархизм и этика — неразделимы. И анархист, индивидуально и общественно — высоко нравственная личность.

Без этой этической базы, без этой человеческой морали анархизм — вещь безжизненная. Сила анархизма именно и лежит, главным образом, в его нравственной базе, в терпимости и сосуществовании заложенных в личности, любви к человеку, в великой любви ко всем и к каждому из людей, к каждой личности и к жизни вообще.

Великая любовь, любовь живая и активная есть импульс жизни анархизма, и терпимостью, уважением к каждой личности, даже к противнику и врагу, он создаст в человеке новую психологию и естественное чувство, и в человечестве жизнь новую и счастливую.

В анархии — подлинное будущее, ибо она есть стремление естественное, ибо она основана на естественности и объединении как с сущностью жизни личности, так и общества: взаимной помощью, справедливостью и естественной нравственностью, заложенной в каждой личности.

В анархии будущее. Но добывать его мы должны методами новыми, с личностями новыми, с моралью новой и более высокой.

*) П. Кропоткин — "Записки Революционера".

Ибо нравственная потребность есть база анархизма и фундамент будущей свободной и братской жизни.

"Для нас — утверждает Рикардо Мелла в своей брошюре "Нравственная потребность" — есть тихая работа достойная всякого человека с сердцем; работа в которой основные свойства, наилучшие и наиболее человеческие чувства и наиболее яркие проблески ума отдаются на службу хорошему. Идеалисты без теологии ни метафизики, мы отдаем все наши способности и силы в жертву для окончательного триумфа добра, справедливости и человечности; мира, любви и благополучия для всех, но любви и благополучия реальных и действительных...

"Солидарности и любви, ибо в человеческом понимании жизнь личности и вида есть одно и то же, потому что в Природе ничего не пребывает постоянно изолированным и сухим в пустыне эгоизма; но все стремится проникать, переплетаться, смешиваться, не уничтожая себя, в гармоническом выявлении всемирной красоты и добра".

"Из чувства солидарности, утверждавшегося в течении веков человеческим видом, растущем беспрерывно, несмотря на все случайные препятствия, выкристаллизовалось в конце концов чувство моральное. И во имя этого морального чувства добиваемся мы для людей, для всех людей, права пить чашу жизни свободно, в общине по симпатиям, потребностям и мыслям. Во имя этого чувства, мы заявляем громко о необходимости разрушения всех настоящих барьеров, всех тюрем и всех законов наложенных на человека, чтобы моральная потребность, взаимный и спонтанный обмен всех индивидуальных и общественных явлений могли бы проявлять свою несокрушимую работу постоянного совершенствования" *).

Но для осуществления этого — по мнению этого же Р. Мелла — необходимо теперь же, сейчас же, сегодня же, работать в этом направлении.

"Вы хотите общежитие откровенное, чест-

ное, добродетельное? Тогда сделайте, чтобы личности были откровенными, честными и добродетельными..." "Если в каждой личности будет находиться больше силы света, больше добродетели, во всех вместе будут находиться те же качества..." *).

"Возстанем же против грубого материализма, в который нас бросили идеалисты мистические, верующие и божеские, разрушим идолов из глины и идолов из мяса, отбросим уметвенную лень, которая нас держит в скотстве; подымедем идеализируя человека, униженного всей ходячей ложью. И тогда, когда час человеческого обновления прозвонит, не будет потребности ни в каких других влияниях, которые привели бы нас к счастью, как наши взаимные добродетели, как наши самые возвышенные и самые благородные действия.

"Мы были и есть стадо, стадо домашних животных, стадо баранов. Мы были и есть парии, рабы, крепостные.

"Отвоюем же себе право быть людьми. Будем ими" *).

Будем же людьми, трудящиеся и революционеры, будем ими анархисты. Ибо вот какова действительная анархическая личность и плодотворная анархическая работа.

Будем же анархистами сегодня, а не только завтра. Будем практиковать основы анархической морали, с этого момента, теперь-же, между нами, между трудящимися, между всеми людьми, и наша жизнь будет более счастливой, более величественной и более прекрасной. И в то же время нашей личностью, нашими жизненными и практическими действиями и примерами будем создавать личность новую, лучшую, более смелую и независимую. Личность способную жить без угнетения, т. е. не страдая и не заставляя страдать других. И будущая революция, которая будет твориться такими личностями, будет революцией социальной, революцией анархической.

Март 1924.

*) Там-же, стр. 57.

*) Ricardo Mella — "Coaccion Moral" pad. 71—73 (1 испанск. изд.).

*) Ricardo Mella — "Coaccion Moral" pad. 71.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

I.

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ МАХНОВЦЕВ.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

МАХНОВЩИНА, ПЕТЛЮРОВЩИНА, БАНДИТИЗМ, АНТИСЕМИТИЗМ И БОРЬБА С НИМИ.

(Резолюция, принятая по докладу т. МИНИНА объединенным заседанием съездов 1-го Армейского, 1 Конной армии и 5-го уездного Екатеринославского уезда единогласно при одном воздержавшемся).

I. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ МАХНОВЩИНЫ.

Махновщина в основе своей является попыткой украинского кулака создать свое кулацкое государство. С этой целью, украинск. кулак поднял вооруженное восстание, как против помещика, которому кулак совсем не желает возвращать прежние власть и землю, так и против городской буржуазии, с которой кулак не желает делить власть и которую он ликвидирует, как новый паразит, одновременно разрушая и промышленность, — так, наконец, и против пролетариата, деревенской бедноты и незаможных селян, у которых кулак стремится отнять политическую власть и которым не желает передать свои излишки земли, инвентаря и продукта.

II. СОРАТНИКИ КУЛАКА В МАХНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ.

В наиболее кулацеских районах кулаку удалось увлечь за собой, вовлечь в борьбу за свои кулацеские интересы:

- 1) некоторую часть обычно колеблющихся в борьбе труда с капиталом, селян—середняков.
- 2) выбитых из колеи жизни событиями на Украине и закабаленных кулаком незаможных селян и селянскую бедноту.
- 3) дезертирские, шкурнические и прочие преступные, а иногда просто случайные элементы из Красной Армии.
- 4) профессиональный уголовный, преступ-

ный элемент, зачастую на помощь себе освобожденный самой махновщиной из тюрем.

III. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ПОСОВНИКИ МАХНОВЩИНЫ.

К махновщине скрытно присоединился также белогвардейски-офицерский элемент с целью, в интересах помещичьего и городского буржуазного классов, использовать кулацкое движение для ослабления и сокрушения Советской Рабоче-Крестьянской власти.

IV. "КУЛЬТУРНЫЕ" СИЛЫ И ДУХОВНЫЕ ВОЖДЫ МАХНОВЩИНЫ.

Обслуживаемая с технической и "культурной" стороны (поскольку таковая у кулачества вообще может быть) деревенской кулацеской интеллигенцией (учителя, фельдшера, кооператоры, техники) махновщина своих духовных, политических вождей (идеологов) нашла в мелко-буржуазном течении в анархизме, который свои жалкие "идеалы", противоречащие всему ходу и смыслу исторического развития, пытается провести через кулацеское движение в деревне.

V. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ПЕТЛЮРОВЩИНЫ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ МАХНОВЩИНЫ.

Петлюровщина так же, как и махновщина, обслуживает интересы кулака и получает помощь от кулацкой интеллигенции, так же раздувает антисемитизм и устраивает противоеврейские погромы и погромы, также использует уголовно-солдатский элемент для своих целей, наконец также как и махновщина легким способом погромной наживы привлекает к себе выбитую из колеи трудовой жизни и в конце разоренную деревенскую бедноту.

Но петлюровщина идет рука об руку также с городской буржуазией, с городской буржуазной интеллигенцией, пропитанными идеями шовинизма и даже довольно бережно относится к по-

мещику, а то так и просто идет с ним в полном содружестве — контакте. Потому петлюровщина гораздо труднее, чем махновцам, обманывать трудящихся, потому петлюровщина значительно упорнее насаждает антисемитизм, и кроме того развивает бешеный национализм и шовинизм под предлогом защиты "рідной" Украины от "большевиков" и в то же время торгуют этой самой "рідной" Украиной направо и налево продавая ее по очереди то гетману и кайзеру, то английским, французским банкирам, то польским помещикам и капиталистам.

Махновщина "самостийностью" не страдает и заграничной политики не ведет: она по просту, по кулацки, прет и против белых помещиков и капиталистов, и против красных рабочих и крестьян, пытается бить тех и других и, разумеется, получает роковые удары как от белых, так и от красных.

VI. ПРОТИВОРЕЧИЯ АНАРХИЧЕСКОЙ МАХНОВЩИНЫ.

Как движение мелкобуржуазное, махновщина полна глубоких роковых противоречий:

1) Махновщина призывает как будто бы трудящихся к борьбе, и защите своих интересов и в то же время научает трудящихся (рабочих и крестьян) создавать безвластные, бессильные, безвольные советы на подобие советов при Керенском.

2) Махновщина рекомендует трудящимся "безвластные советы", а сама создает в то же время военную диктатуру кулака, так как главная сила махновской армии это кулацкая кавалерия и кулацкий командный состав.

3) Махновщина борется против диктатуры не только партии коммунистов-большевиков, но вообще против диктатуры всяких политических партий и в то же время укрепляет и усиливает кулацкую политическую партию анархистов.

4) Махновщина толкует на все лады об интересах трудящихся и в то же время махновщина отстаивает безудержную спекуляцию, махновщина — заклятый враг продовольственной развертки, против отобрания продовольственных излишков в пользу трудящихся, то есть в пользу Красной Армии, голодных рабочих и голодающей деревенской бедноты.

VII. РАЗЛОЖЕНИЕ МАХНОВЩИНЫ.

Махновщина, как движение мелкобуржуазное, половинчатое, попала между двумя главными борющимися силами, между двумя жертвами революции: красным и белым и потому неизбежно обречена на гибель, на разложение и распыление: спекулянтские, хищнические верху кулачества неизбежно откнутся направо — к белому помещику. Обманутые, запутавшиеся, но сохранившие хоть каплю трудовой честности низы отшатнутся налево — в лагерь подлинных революционеров и труженников, к Советской власти. Наконец, непоправимая профессиональная рвань пойдет по своей жалкой дороге, и, уже не прикрываясь никакой болтовней об "анархизме", "идеалах" и прочих подобных вещах, будет просто работать "с фомкой", "не форточкой" и так далее, пока не кончит свое разбойничье житье где нибудь в городских подвалах, лесных тупоухах или за позорной тюремной решеткой.

VIII. СОГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С МАХНОВЩИНОЙ.

Разложение махновщины в последнее время стало особенно заметно под ударами красных войск и под ударами войск Врангеля, и более всего после занятия бароном Гуляй-Польского района. Тогда низы определенно начали толкать махновские верху к соглашению с Советской властью. Верху, поддаваясь против воли такому давлению, решили путем этого соглашения одурачить низы, обмануть Советскую власть и усилить свою кулацкую гвардию. А Советская власть решила еще раз дать махновцам возможность пойти честным путем и призвала махновцев к борьбе с крымским бароном. Испытание показало всю безнадежность мирного воздействия на хищническое кулачество и глубокую развращенность идущей за кулачем банды. Военной помощи от махновской "армии" не было почти никакой, за то момент соглашения кулацкая банда пыталась использовать для своей агитации, организации, вооружения и вообще для усиления, а также для убийств, грабежей и погромов. И потому Рабоче-Крестьянская власть, увидя соглашение нарушенным и оплеванным, объявила решительную беспощадную и на этот

раз уже окончательную борьбу с махновщиной, как с хищнически-кулацким, несправимо-бандитским и безнадежно-предательским движением.

IX. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕТЛЮРОВЩИНЫ.

В текущем 1920 году петлюровщина заключила тесный военный и политический союз с польскими панами и французскими банкирами против власти трудящихся в России и на Украине.

Это очередное предательство всеукраинского торгаша и всероссийского предателя кончилось тем, что Петлюра вместе с своей бандой, разбитый Красной Армией, как подлый холоп разоружен своими новыми господами, а банда его, по последним сведениям заключена в кругом минованном лагере.

X. МЕРЫ БОРЬБЫ И ЛИКВИДАЦИИ.

Принимая во внимание все вышеизложенное, объединенное собрание Екатеринославского уездного и Конноармейского съездов

1) объявляет беспощадную вооруженную борьбу как махновщине, так и петлюровщине, как буржуазно-кулацкому, разбойничьему и предательскому восстанию хищников-угнетателей против Рабоче-Крестьянской, трудовой Советской Власти.

2) клеймит позором уродливый нарот, проклятое наследие царизма антисемитизм — это обычное оружие эксплуататоров, которые при помощи антисемитизма (травли, потрома евреев) пытаются обмануть трудящихся, свалив собственные преступления на одну из угнетенных народностей.

3) призывает деревенскую бедноту и ма-

ломочных крестьян к немедленной и широкой организации комитетов незаможных селян для полного и немедленного освобождения от власти кулаков.

4) считает необходимым полную выкачку скрытого по деревням оружия и суровое наказание всем укрывателям такового.

5) обещает грозные кары всем дезертирам, как пособникам буржуазии, кулачества и бандитизма и как предателям рабоче-крестьянской Красной армии, истекшей кровью в борьбе с врагами на внешнем и внутреннем фронтах.

6) считает необходимым — искоренить самогонку, которой спекулянты, бандиты и кулаки одурачивают и закабаляют трудящихся, а самогонщиков преследовать вплоть до поголовного расстрела.

7) наконец, для полного уничтожения власти кулаков объединенное собрание съездов признает неотложной задачей в деревне отобрание у кулаков всех излишков живого и мертвого инвентаря и земли для организационного использования их в интересах бедноты и незаможных селян.

Собрание съездов заявляет, что если мы справились с многочисленными и грозными внешними врагами, то тем легче справимся мы и с их пособниками — врагами внутренними: петлюровцами, махновцами, анархистами, бандитами, — и тогда разоренная, но богатая природными сокровищами Украина воспримет к новой радостной, свободной, трудовой жизни.

Политотдел 1-й Конной Армии.

Р. В. Ц. Поезд-типография
Лит-Издательского Отделения Поарма 1-й Конной.

II.

ПРОКЛАМАЦИЯ МАХНОВЦЕВ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ, КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ПОВСТАНЦЫ!

В тяжелые дни реакции, когда Русская Революция, окружена со всех сторон врагами, когда Украина осаждалась бронированным кулаком немецко-австрийского империализма, ко-

гда трудовые массы Украины задыхались, истекали кровью от невыносимого гнета Петлюровских, добровольческих палачей и всех жестоких, варварских наймитов помещичье-буржуазной своры, когда, казалось, положение Украинских рабочих и крестьян было безвыходным — вы первые восстали, как непоколебимые, бесстрашные борцы за великое дело освобождения трудовых

масс от ценей экономического рабства, политического и духовного закрепощения.

Повстанческие ряды выдвинулись гордо и мужественно на арену Украинской революции в то время, когда последняя переживала самую тяжелую и мучительную агонию, когда свобода и честь трудового народа Украины поставлены были на карту дикому, безумному, кровавому империализму объединившему вокруг себя все темные силы контр-революции.

С того момента вы, товарищи крестьяне, стали творить великое, святое дело революции, с тех дней вы предприняли священную задачу освобождения всего закрепощенного, забитого вековым гнетом, Украинского и всемирного трудового народа.

Но... случился крутой и печальный поворот...

В процессе решительной, революционной борьбы с общим врагом — буржуазией, помещиками, добровольческими офицерами и всеми прихвостнями старого, отжившего рабского строя, вдруг, незаметно со стороны, в бурные, стихийные, революционные волны стали вливаться мутные, грязные потоки сознательной и бессознательной контр-революции.

В ряды идейных борцов стали вкрадываться отрицательные, преступные элементы, для которых великая, тяжелая, революционная борьба сделалась промоотводом на пути к издевательствам, насилию и личной наживе с одной стороны, и сознательной, явной услуги контр-революции — с другой.

Среди красивых, нежных мелодий революционных песен, среди звучных дружных мотивов о приближающемся освобождении трудового крестьянства и пролетариата Украины — стали раздаваться тяжелые, душу-раздирающие крики несчастных, забытых бедняков евреев, обездоленных так же, как и рабочие и крестьяне всех других национальностей. Еврейская беднота стала истекать кровью от грязных рук сознательных и бессознательных контр-революционеров.

На светлом, ярком фоне революции появились темные несмываемые пятна запекшейся крови бедных мучеников евреев, которые в угоду злой реакции, являются теперь, как и раньше, в самые тяжелые годы самодержавия, напра-

выми невинными жертвами, завязавшейся жестокой, классовой борьбы угнетенных и обездоленных против власть-имущих и сильных мира сего.

Творятся акты позора и ужаса. В лагере революционеров - повстанцев происходят еврейские погромы.

Величественная драма революционного повстанческого движения, омрачена безумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское нечеловеческое существование.

В какой ужас, в какое содрогание должен прийти революционер, когда услышит теперь в момент надвигающейся мировой Социальной Революции, когда столкнешься лицом к лицу трудовые массы всех национальностей с одной стороны, в защиту своей экономической и духовной свободы, и буржуазная клика с другой — в защиту своих гнусных привилегий, — о том, что убивают, вырезывают еврейские обездоленные семьи только за то, что они евреи!

Какой позор должен испытать революционер, когда на его глазах зверски убивают, вырезают десятки, сотни еврейских тружеников, их жен и детей, влачащих такое же жалкое рабское существование, как и угнетенные всех других национальностей — только за то, что они родились евреями.

Как невольно при всех этих ужасах мысль уносится назад, к старому прошлому, к печальному, преступному времени царизма, который на еврейских погромах строил благополучие своего кровавого трона!

Да, чувствуется ужасный, отталкивающий сдвиг назад, к временам абсолютного рабства, к режиму монархии и беспредельного разгула, озверевшей дикой толпы, ищущей удовлетворения своих низменных инстинктов в проливание невинной, свежей крови обездоленного, мирного еврейского населения!

Товарищи повстанцы! Мы обращаемся к Вам, как революционеры, как обездоленные и угнетенные хищной властью капитала и производя бюрократии, как равные к равным!

Если вы революционеры, если вы искренно

преданы делу революции, делу освобождения всех рабов всего мира от гнета и порабощения фабрикантов, банкиров и помещиков:

Если вы взяли винтовки в руки сознательно и преданно для того, чтоб побороть общего врага — капитал и гнет власти — то не приходите ли вы в ужас, не корчитесь ли ваша душа от боли перед такими фактами, как еврейские погромы, как огульное вырезывание десятков и сотен бедных, голодных людей только за то, что они родились евреями?

Если вы сознательные революционеры, осмысленные бунтари и творцы красивой, новой жизни, то не видите ли ясно, как в этой глубокой страшной пропасти бедноты, рабства, нищеты — прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские и поляки, и австрийцы, и немцы, и евреи, и армяне и т. д.

Если вы смотрите широко открытыми глазами на наш рабский, забитый мир — то не видите ли, как одинаково страдают и еврейские рабочие, как голодают их семьи, как и их дети, как и дети бедняков других национальностей, — умирают от голода, болеют от недоедания и страдают от гнета капитала и произвола власти, как и угнетенные всех других национальностей?

Товарищи повстанцы! Если вы революционеры, если ваша революционная совесть не запятнана, если ваше сознание не затемнено и если ваши глаза не отуманены мраком национального антагонизма, так загляните в еврейские кварталы! — присмотритесь повнимательной к еврейской гольте! Сколько десятков тысяч изнуренных голодом, измученных болезнями, погрязающих в грязи, в нищете — вы увидите еврейских рабочих, их жен и детей!

И еще загляните в другую область, поинтересуйтесь историей революционного движения в России во времена царизма, и вы узнаете, убедитесь, как много честных, искренних беззаветно любивших свободу борцов-евреев погибло за великое дело освобождения всего трудового народа России!

Если вы революционеры, если вы любите свободу и беспристрастно смотрите на вещи — вы должны заявить громко, ваш голос протеста должен разнестись по всем углам Украины, Восточной России и всего мира против насилия над

трудящимися массами какой бы нации они ни принадлежали!

Ваш революционный долг — закричать громко, во всеуслышание, против еврейских погромов, против избивания и вырезывания мирных еврейских жителей!

Ваша революционная честь обязывает Вас крикнуть громко, чтоб содрогнулись все черные силы реакции, — о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, и, что в великой семье угнетенных, измученных вековым рабством трудовых масс — одинаково страдают и русские, и поляки, и литовцы, и чехи, и евреи и т. д.

Вы должны подчеркнуть ярко один непреложный факт: что в среде ваших эксплуататоров находятся рядом и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик; что в рядах контр-революции, как справа, так и слева, — и в добровольческой армии и в "чрезвычайках" — находятся рядом и русские предатели, и изменники латыши, и поляки, и евреи, и армяне, и эстонцы и т. д.

Вы должны твердо запомнить, что буржуазия и империалисты всех стран и всех национальностей объединились для жестокой, преступной борьбы против Революции, против угнетенных трудящихся масс всего мира и всех национальностей.

ТОВАРИЩИ ПОВСТАНЦЫ! В настоящий грозный момент, когда на русскую народную революцию, начавшуюся с рабоче-крестьянских низов, обрушился интернациональный враг — буржуазия, империалисты и бюрократы всех стран и всех оттенков сеют в рядах трудовых масс национальную травлю, для того, что бы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент классовой борьбы — солидарность и единение всех трудящихся — вы должны все, как один выступить против всех сознательных и бессознательных контр-революционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти.

Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов!

Все лица, сеющие национальную травлю,

точно так же как и те бандиты, которые вырезают мирных еврейских обывателей, являющихся явными врагами трудящихся и Революции! Они должны быть сметены с лица земли самым беспощадным образом!

ТОВАРИЩИ ПОВСТАНЦЫ! Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента и тогда Ваше повстанческое революционное знамя будет гордо реять над свободной от экономического и духовного порабощения Украиной.

Путь к освобождению трудящихся лежит через объединение трудящихся всего мира!

Да здравствует Интернационал!

Да здравствует единая семья трудящихся всего мира!

Да здравствует свободная, **БЕЗВЛАСТНАЯ АНАРХИЧЕСКАЯ Коммуна!**

Гуляйпольская группа Анархистов "Набат".

Исполком Военно-Рев. Совета

Гуляйпольского района.

Батько Махно.

Веретельников.

Перепечатано Секретариатом Конфедерации

Анархистских Организаций Украины "НАБАТ".

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ь .

ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ЗАКЛЮЧЕН. В РОССИИ.

№ 9.

Октябрь 1924 г.

Берлин.

ТРАГЕДИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ГРУЗИН.

Уже три недели льется кровь рабочих и крестьян в маленькой героической Грузии. Московское правительство уже давно искало случая, чтобы с корнем вырвать непокорные и неподчиняющиеся большевизму деспотизму революционные элементы Грузии. Подобно тому, как оно огнем и мечом задавило подлинное движение трудящихся деревень Украины, шедших под флагом махновщины, подобно тому, как оно с неслыханной жестокостью потопило в крови революционное восстание Кронштадта, точно также оно и одной минуты не остановилось перед зверским разгромом грузинского восстания, которое оно же само и вызвало. Большевики вызвали восстание Грузии и всей своей предшествующей политикой террора и диктатуры и непосредственно грязной работой своих провокаторов.

Ни в коем случае не солидаризируясь с бывшим меньшевистским правительством Грузии, стоя единственно на основе идей великой октябрьской революции. Комитет Защиты революционеров, заключенных в России вместе с тем выражает свое полное сочувствие восставшим крестьянам и рабочим Грузии. Мы

до глубины души возмущаемся расстрелом со рока трех социалистов-заложников, сидевших в тюрьмах большевиков задолго до вспыхнувшего восстания. Сердце рабочей и крестьянской России обливается кровью при страшных вестях о том, как их братьев пачками расстреливают в деревнях и горных ущельях замученной Грузии. Имена трагически погибших бойцов за социализм, имена **Комерини, Джугели** и других сохраняются навсегда в благодарной памяти трудящихся России.

ОСТРОВА ИМЕНИ ЛЕНИНА.

(Из письма л. с.-р.).

... Наша колония политических насчитывает сейчас около 300 человек — 137 с.-д., 14 л. с.-р. 109 с.-р. и около 35 анархистов. Размещены в 3-х скитах Соловецкого монастыря. Наш скит — Савватьевский, самый большой и вмещает около 180 социалистов и анархистов. Он находится на главном острове, где сконцентрированы все главные учреждения Управления Северными лагерями и основной контингент уголовных заключенных. Второй скит — Муксомольский (70), соединен с нашим островом дамбой. Третий — Голгофский, находится на Анзерском острове,

отрезанном 4-х верстной полосой моря от главного острова. Зимой, когда идут льды, сообщение между этими островами может поддерживаться лишь случайными лодками с большим риском для жизни. Мы все время отказывались ехать туда и уплотняли свои скиты: Савватьевский и Муксомольский. Мы опасались, что на время долгой зимы окажемся отрезанными не только от материка, но и от главного острова, где находится Управление, предвидя затруднение в снабжении продовольствием и медицинской помощью. Т. О. мы самое главное не хотели отчуждаться во власти местной администрации и уголовного надзора. Сейчас, с приездом новых партий у нас не было выхода — пришлось принять Анзерский скит, оговорив условия медицинской помощи и снабжения продовольствием. Скиты уплотнены, и новых партий мы принимать не можем. Администрация, не имея новых помещений для нас, настаивает на прекращении сылок на Соловки. Тем не менее новые партии политических прибывают и прибывают. Одна из них находится в Кремле при Управлении, другая, направляющаяся в Соловки, по слухам, около 30 человек на материке в Кемп.

Административное Управление, не без ведома Москвы, ведет недвусмысленную линию перевода нас на уголовный режим. Так последнюю партию юсоциалистов, прибывшую в Соловки, долгое время не признавали политической. В Кемп их сажали в карцер, заставляли работать, как уголовных и тому подобное. В Соловках нам не без труда удалось отстоять их. Две самые последние партии до сих пор находятся в таком невозможном положении, спорно-политическом режиме. Состав этих партий (18 человек) нам хорошо известен. Там 6 л. с.-р., 7 с.-д., 3 п. с.-р. и 2 анархиста. Среди них есть товарищи, которые давно уже состоят членами партии. Эти товарищи известны нам лично, известны и ГПУ, ибо некоторые из них не один раз сидели в большевистских тюрьмах. Достаточно нам назвать л. с.-р. Рябинина из Д. В. Р., кроме него из наших товарищей в этой партии еще 3 воронежца: Ляпин, Раздобаев, Калужный и двое студентов Войт и Белоглазов. Несмотря на наши протесты, телеграммы в Москву в ВЦК, наши товарищи продолжают сидеть в Кремле изолированные,

при режиме, который каждую минуту грозит превратиться в уголовный. На этой почве может возникнуть голодовка, и мы также можем быть в нее вовлечены. Кроме партийных социалистов ГПУ посылает сейчас на Соловки в огромном количестве беспартийных политических с социалистической окраской, замешанных в революционном движении. К числу таких политических принадлежит большинство студентов. Вы знаете, что за последнее время студенческое движение приняло довольно большие размеры. В результате "чистки" в Петрограде, Москве и других городах произошли аресты, высылки в глухие места России, заключение на Соловки также и комсомольцев. На Соловках администрация отказывается признать студентов политическими. Молодые юноши и девушки 18—20—22 лет, за редкими исключениями 25 лет, сажаются вместе с уголовными: ворами, убийцами, проститутками, посылаются на тяжелые работы, подвергаются всяким оскорблениям со стороны администрации и уголовного надзора. Особенно тяжело положение молодых курсисток, которые живут в общих женбараках и не гарантированы от назойливых ухаживаний уголовного надзора. В Кемп был уже случай, когда всегда пьяный комендант из общей партии студентов отправлявшихся на Соловки выделил курсистку Ефимову (она ему "понравилась") и оставил ее для "работы" в Кемп. Только после нашего вмешательства и наших разговоров по этому поводу с Управлением, курсистка Ефимова была переведена в Соловки и присоединена к своим товарищам.

Из других политических, сидящих на уголовном положении, много повстанцев-крестьян, сосланных за участие в крестьянском движении, рабочих — за забастовки. Мы обращаем ваше внимание на группу Кронштадтских матросов, осужденных в административном порядке ГПУ по делу Кронштадтского восстания 1921 г. Некоторое время они жили в нашем Муксомольском скиту на политическом режиме, а затем, так как в Муксомолье было очень тесно — переехали в Кремль, где имели официальные свидания с нашими старостами. Мы поддерживали их продовольствием, книгами, газетами и т. п. Администрация как то неожиданно вызвала старосту Кронштадтцев в Управление и объявила ему,

что, согласно распоряжению из Москвы, вся группа Кронштадтцев переводится на уголовный режим, лишается политического пайка и должна стать на те работы, которые ей будут указаны. Староста Кронштадтцев отказался этому подчиниться и был тотчас-же связан. Через некоторое время надзор ворвался к Кронштадтцам в помещение и, получив от них отказ подчиниться распоряжению из Москвы, также перевязал всех. Связанные Кронштадтцы объявили голодовку, их потащили в карцер, где они голодали 9 дней. Голодовка не привела ни к каким результатам. Они решили временно принять уголовный режим, с тем, чтобы перед комиссией, которая ожидалась из Москвы, вновь поставить вопрос о политическом режиме. Администрация понимала, что борьба с Кронштадтцами еще не закончена. Учитывая возможность новой борьбы, они всячески провоцировали Кронштадтцев на преждевременное выступление. 20-го июля неожиданно трое из Кронштадтцев были переведены на Секирную гору в штрафную тюрьму без всяких поводов (якобы за разложение уголовного режима и оскорбление надзора). Они объявили голодовку. Перевод сопровождался насилием и побоями. Остальные (7 человек) присоединились к голодовке. Их перевели в подвал в карцер. Голодовка была упорная и продолжалась 14 суток. Каждую минуту мы ожидали трагедии. Один из Кронштадтцев (Иудин) дважды покушался на самоубийство; у двух, на 11-е сутки, пошла горлом кусками запекавшаяся кровь. Администрация ничего не предпринимала, и только на 14 сутки вызвала старосту Кронштадтцев для переговоров. В результате наказание 3-м Кронштадтцам на Секирной горе было отменено, уголовный же режим остался в силе. Им разрешили жить своей группой, обещали не раз'единять и на работы посылать по специальности. Все голодающие (их 10 человек — Ермолаев, Эвелис, Андрейченко, Федотов, Кулишев, Куркеш, Белов, Иудин, Захаров, Расказов) в ужасном состоянии переведены в больницу. Для некоторых из них эта голодовка быть может будет стоить жизни. Вся эта группа состоит из исключительно честных, хороших и преданных делу революции матросов и рабочих Кронштадта. По своим партийным симпатиям они распределяются: 2 л. с.-р., 4 ана-

рхиста, 1 кронштадтский рабочий меньшевик, остальные беспартийные революционеры, стоящие на позиции октябрьской революции. Они одни из тех немногих революционеров, которые физически уцелели и политически сохранили себя, несмотря на все систематические расправы большевицкого правительства над Кронштадтцами. Наш коллектив Савватьевского скита протестовал; в телеграмме во ВЦИК, мы требовали срочной ликвидации голодовки Кронштадтцев, прекращения издевательств над ними и перевода их на политический режим. Результата никакого. Нет сомнения, что их борьба еще не закончилась, что администрация не оставит их в покое и снова попытается спровоцировать их на какое-нибудь выступление, чтобы физически их истребить. В 1922 году, когда мы были в ссылке в Архангельске, нам рассказывали, что Кронштадтцев тысячами морили в Северных лагерях (Холмогорах, Портаниске и т. д.), расстреливали. Лишь те из них уцелели, кому удалось бежать.

Теперь о нас — признанных социалистах. Выше я писал вам, что администрация лагерей и Москва взяла курс на ликвидацию политического режима. Это выражается не только в попытках непризнания наших новых партий политическими, но и в целом ряде других вопросов, непосредственно касающихся нас. Так, у нас чрезвычайно остро стоит вопрос сейчас о самообслуживании. Нас хотят заставить принудительно работать и начинают с того, что хотят заставить нас для наших нужд заготавливать дрова, топить баню, вывозить нечистоты и т. д. До сих пор мы ни в одной тюрьме не работали принудительно даже для себя. Нам всегда доставляли дрова, отопляли корпус, готовили пищу. В Портаниске и в течение года на Соловках некоторые работы мы выполняли добровольно: убирали корпус, отопляли его, варили пищу, убираем двор, стираем белье и т. д. Более тяжелые работы (заготовка дров в лесу, вывоз нечистот и т. п.) выполняла администрация. И вот с весны нам предложили и эти работы выполнять самим, у нас нет гарантии, что за этим не последует обслуживания нами уже всего лагеря, в том числе и администрации. Это для нас неприемлемо, как неприемлем всякий вид принудительной работы хотя бы и для себя. Мы посланы административ-

но, и администрация должна снабжать нас всем необходимым. В порядке добровольчества мы и раньше выполняли целый ряд работ, принять же самообслуживание в порядке принуждения не согласны, ибо видим в этом попытку постепенного введения каторжного режима для социалистов. Кроме того принудительное самообслуживание неприемлемо для нас и по другим мотивам: у нас половина больных и много женщин, выполнение всех работ ляжет на одних здоровых — им безусловно с этим не справиться. Мы отказались от самообслуживания. Нас лишили дров, бани еще с весны, когда на дворе еще лежал снег, мы сидели в холодных камерах. Мы ограничивали себя в кипятке, в пище, так как дров не было, а администрация их не подвозила.

И сейчас мы сидим без дров с перспективой очень скоро остаться на сухом пайке: хлеба и воде; это при наличии огромного количества больных цынгой, просто больных. Ждали все время комиссии из Москвы, но ее пока нет. Когда придет, мы поставим перед ней во всю ширь все вопросы нашей тюремной жизни, чрезвычайно осложнившейся за это время на Соловках. За зиму выяснилось, что Союзники не обеспечены продовольствием, и при той системе, которая здесь практикуется, вряд ли могут быть обеспечены. Мы об этом говорили 23-го года осенью приезжавшим из Москвы Фельдману и Бокто (комиссии). Они нас заверили, что продовольствия достаточно. Несмотря на это, те нормы пайка (больничного, здорового), которые были ими установлены, уже с декабря не могли выдаваться нам полностью, а с февраля количество больничных пайков за недостатком продовольствия механически было сокращено Управлением до 15 % на 180 человек, т. е. 27 пайков. Больных же у нас много больше, до сокращения по предписанию тюремного врача мы получали около 50 пайков. Но и эти 15 % фактически мы не получали, так как обнаружилось, что на Соловках нет целого ряда продуктов: масла, белой муки, и т. д. В результате — цынга, массовое заболевание. Старые запасы израсходованы, а о новых не думают. В результате мясо (солонина) получаем два раза в неделю. Вместо свежих овощей — сухие; целого ряда других продуктов (лук, масло, свежее мясо для больных) совсем

не выдают. Остальные продукты отличаются недоброкачественностью (горькая мука, непропеченный сырой хлеб). Перед нами стоит вопрос об отказе принимать продукты. Мы уже отказались принимать рыбу (пить раз в неделю вместо мяса), сухие овощи вместо свежих. С больничным пайком дело обстоит отвратительно: 15 % нормы сохранили и с открытием навигации, хотя есть возможность подвоза продуктов, хотя бы для больных. Сама постановка медицинской помощи здесь ниже всякой критики. Тюремные врачи мало интересуются больными, врачей социалистов нет. Как общее правило, в больнице совсем не лечат, так как нет медикаментов. К весне не было даже иоду. Уход за больными отвратительный. Часты также случаи, когда наших больных товарищей, приезжающих в больницу (за 12 верст от скита) врач отправляет сейчас же обратно, даже не осмотрев. Сейчас целый ряд товарищей нуждается в специальном лечении. Вот уже в течение 3-х месяцев настаиваем на переводе их на материк. До сих пор уехали только 4: Маркман (л. с.-р.), Мардинкевич (по делу л. с.-р.) и 2 анархиста: Сютевич и Вегер (почти при смерти). Об остальных послан запрос в Москву, но ответа еще нет.

Общий курс Москвы — завинтить нас. Вся та конституция, которая была выработана комиссией Фельдмана в 1923 г., уже с момента расстрела 19-го декабря — отменена. Один § за другим отменяется постепенно. Сначала урезали прогулки и ограниченно пользовались светом, затем прекращены свидания с Муксомольским старостатом, отменена норма питания, сейчас самообслуживание и попытка перевода наших т. т. на уголовный режим (Кремлевская партия) и, наконец, в настоящий момент отмена свидания с родными в нашем корпусе. Приехавшим родным дали свидание в административном корпусе при надзоре; за 1000 верст они ехали к нам в Соловки, расхода последние деньги, чтобы только увидеть нас, ибо поговорить в таких условиях нет возможности. После 8—9 месяцев, когда мы не имели ни свиданий ни даже регулярной переписки — это последняя мера издевательства. Мы ждем комиссии, чтобы поставить вопрос о нашем увозе из Соловков. Пережить еще одну зиму, какую мы пережили здесь,

вряд ли хватит сил...

(Из письма анархиста с Соловков).

...Теперь, братцы, у нас к вам коллективное дело, — к российским, к заграничным и ко всяким другим, кому попадет это письмо: за зиму все мы здорово отощали, порядком надорвали свое здоровье. Все наши надежды были на лето, которое надо было использовать в смысле максимального подкрепления. Но лето оказалось хуже зимы: администрация ведет прижимательный курс во всех отношениях; с воли решительно никакой помощи ни от кого не получаем, и сейчас мы находимся в чрезвычайно тяжелом материальном положении, вступив в полосу постепенного вымирания. Кто был здоров, сейчас слаб; кто был болен, едва плетется. А потому всем, чем можете в продовольственном отношении, не откладывая поддержки нас. Направляйте посылки, или, что еще проще и удобнее для нас, деньги, а мы здесь сможем все закупить..."

Товарищи! Немного времени осталось до закрытия навигации на Соловки! Спешите посылкой денег и продовольствия по след. адресам:

а) (для анархистов, находящихся в Савватьевском скиту): Город Кемь, Корельской области. Управление Сев. лагерями. II Отделение. Политзаключенному Ивану Чарину.

в) (для анархистов, находящихся на Муксомольском острове): Город Кемь, Корельской области. Управление Сев. лагерями. III Отделение. Политзаключенному А. Барону.

г) (для левых с.-р.): Город Кемь, Корельской области. Управление Сев. лагерями. II Отделение. Политзаключенн. Михаилу Самохвалову.

БОЛЬШЕВИЦКИЙ САХАЛИН.

(Соловки).

Хотя наш Комитет и вынужден был поставить себе узкую задачу — защиты заключенных революционеров, однако мы не имеем нравственного права обходить молчанием судьбу многих тысяч т. н. уголовных преступников. Они — мы подчеркиваем это — являются несомненными жертвами социального и политического режима, созданного большевиками для всех рабочих и крестьян России. Большевицкое правительство, до фанатизма преданное "идее" государственно-

го авторитета и "порядка", расправляется с уголовными заключенными не менее жестоко, чем любое буржуазное государство. Страдая бок о бок с политическими заключенными, эти партии большевицкого общества в то же время лишены даже той небольшой моральной поддержки, которой пользуются социалисты и анархисты... Лучше всего их положение рисует следующее письмо из Соловков.

"...В 1923 году в Соловецкий концлагерь было свезено свыше 300 человек. Социалисты и анархисты в количестве 300 человек были помещены в скитах Савватьевском и Муксомольском. Это в 12 верстах от главного монастыря. Главная масса заключенных уголовные, контр-революционеры и спекулянты были оставлены в Кремле. Там же вместе с уголовными поместили повстанцев-крестьян, высланных за забастовку рабочих и т. д. В Кремле и возле него в уцелевших от пожара зданиях и гостиницах разместилось управление, надзор, команда красноармейцев, многочисленные канцелярии, отделы, подотделы и т. д. В страшной темноте, чуть друг не на друге здесь помещено было больше 2-х с половиной тысяч человек. В большой церкви были сделаны сплошные нары, там валялись больше сотни уголовных. Даже в худших царских тюрьмах были приняты определенные нормы для заполнения камер, иначе невозможна долгая жизнь в заключении. Управление и не думало ни о каких нормах. Дух старой азиатчины, старой Московской Руси воцарился здесь сразу же, правда вернувшись с другого конца, в совершенно иной обстановке, но этот дух тот же.

Стащили с куполов кресты, ободрали стены церковей, замазали иконы, нарисовав вместо святых портреты Ленина, Троцкого, Маркса и вместо текстов из священного писания лозунги РКП. Стащили с колокольной колокола и вместо обидни стали вызывать на них тюремные сигналы. Старый монастырь, частично уже бывший жесточайшей тюрьмой, превратился весь в такую же жестокую тюрьму. В невыносимых условиях голода, холода, страшной скученности заключенные посылаются на самую тяжелую принудительную работу. На постоянном ветре, летом под комарами, а зимой в морозы и вьюги, полураздетых людей, в лохмотьях и опорках, таких

жалких, что сквозь одежду часто просвечивает тело, посылают рубить дрова, корчевать пни, курить смолу, ловить рыбу, заставляют обслуживать баню, прачешную, скотный двор и т. д.

Управление выработало урочное положение, по которому каждый обязан выполнить очень большой даже для здорового, хорошо одетого и хорошо питающегося человека урок. Само собой ясно, что изнуренные, измученные, полуголодные люди не выполняют управленский урок. За это урезывали паек и наказывали другими мерами: переводили в штрафную роту, а оттуда не выпускали ни на работу, ни на прогулку и держали на половинном пайке, подвергая медленному умиранию от истощения. В конце 1923 г. на Секирной горе в церкви была устроена специальная тюрьма для провинившихся: даже в Соловецких условиях Секирная тюрьма была предметом ужаса для заключенных.

Забитые, замученные, отправляемые на Секирную гору в отчаянии обыкновенно упорно отбивались, не желая идти, большей частью их уводили связанными. Передавали, что на Секирной горе все арестованные помещались в церкви, почти не отопляемой. Раз в день дают горячую пищу, два раза кипяток, 1 ф. хлеба и больше ничего. Заключение на Секирной горе настолько мучительно переносилось, что через два, три месяца после ее основания начались массовые самоубийства заключенных и в тюремную больницу привозили одного за другим с перерезанными ножем животами. В самом Кремле остатки старой тюрьмы, сохранившиеся от незапамятных времен, были использованы в самой полной мере. В толстой, возведенной из громадных валунов стене, окружающей монастырь, в подвальных помещениях, старых монастырских зданиях — остались т. н. Иоановские темницы. Темницы эти или каменные "мешки", как их здесь называют, представляют собою проделанные в стенах глубокие ниши. Вход в такую камеру настолько мал, что туда войти можно только боком. Самый "мешок" узкий, короткий, низкий. Заключенный в такой мешок человек с трудом может двигаться, зачастую не может вытянуться даже во весь рост. В эти мешки сажали провинившихся в чем-либо арестантов. Срок был долгий — иногда две, три недели. Иногда при этом

некоторых раздевали до нижнего белья. В "мешках" кишмя кишели насекомые: вши, мокрицы и т. п. В сентябре 1923 г. в Соловки приехала комиссия с ревизией во главе с чекистом Фельдманом. Рассказывают, что во время этой ревизии в числе прочих достопримечательностей Фельдман осматривал и "мешки". Воздух в этих "мешках" был таков, что туда никто из членов комиссии не входил, для опыта бросили в один из "мешков" тряпку и, когда ее вытянули обратно, она оказалась сплошь покрытой вшами и мокрицами. Старые Иоановские застенки оправдали себя.

Правда, Фельдман, бывший революционер, смутился, как говорят, очень мало. "Мешки" он правда приказал отменить, как меру наказания, но изобретатели и подражатели Иоановских времен остались на своих местах хозяевами жизни и смерти многих сотен заключенных. Вместо сравнительно короткого заключения в каменных мешках, арестантов стали заключать на долгое время в тюрьму на Секирной горе. Помимо карцеров, каменных мешков, морилки на Секирной горе Управление применяло и некоторые другие методы истязания. Как то в Холмогорах и Портаниске летом 1923 года были, как говорят, случаи пыток комарами: ставили раздетого до нага под сигнальным колоколом на дворе. Смысл этой пытки состоял в том, что на стоявшего в таком виде сразу нападали тучи комаров; эта пытка была самая распространенная в северных лагерях.

За всякого рода провинности уголовных надзиратели беспощадно избивали. Когда измученные в конце рабочие в Савватьевском скиту оказались не в силах работать, их били и истязали, так что их крики и стоны слышались издалека. Неоднократно заключенные социалисты слышали вопли, стоны избиваемых рабочих, которых заставляли работать не только днем, но и ночью. Зимой и летом всех арестованных выстраивали в ряды во дворе Кремля для проверки. Изнуренные после долгой и тяжелой работы арестанты стояли рядом, иногда по несколько часов в ожидании, пока дежурный надзиратель или комендант не придет их пересчитать. Эти стояния в шеренгу под ветром и дождем устраивались довольно часто исключительно с целью издевательств и мучительства. Никто не смел протес-

товать против этого ни одним звуком, в противном случае протестанта ожидает каменный меток, избивание, отдача комарам под колокол.

В довершение всего в самых широких размерах применялась смертная казнь. В 1923 и 1924 г. г. таким образом без суда администрацией были расстреляны (?) преимуществ. за побег и за связь с политическими. Удачных побегов в Соловках было очень мало. Почти всякий раз пытавшиеся бежать бывали пойманы. В 1924 г. был приказ за попытку к побегу — расстрел. Каждый раз перед совершением казни объявлялось всем уголовным арестантам особым приказом, читаемым на поверке. Роль палачей часто при этом исполняли высшие чины администрации, исключительно из любви к искусству. Начальник Управления Ногтев собственноручно расстрелял одного вольного жителя, работавшего в Соловках по вольному найму. Позднее помощник коменданта первого отделения Сукис, необыкновенно тупой человек, сам приводил в исполнение смертные приговоры и с самодовольством хвастался потом своей работой перед арестантами и надзирателями.

Соловки заключают много женщин, как уголовных так и политических. Состав женской тюрьмы так же разнообразен как и мужской. Рядом с профессиональными воровками и проститутками и т. д. обычным явлением тюрем, помещаются жертвы революции, попавшие в тюрьму за политические "преступления" или по подозрению в них. Или просто за происхождение из буржуазных слоев. Попадают за курески участия в политических протестах. Все женщины помещаются в так называемом женском бараке. Они находятся в полном владении Соловецкой администрации. Их делают последовательно наложницами: сперва комендатура, высшие чины администрации, потом высшие чины надзора, потом и низший надзор. Вытравливают из них все человеческое, заражают венерическими болезнями. Женбарак представляет собой настоящий ад. Истерики, слезы измученных жертв Соловецкого быта перемешиваются с гнусной бра-

ной привычки ко всему и примирившихся с Соловками уголовных и проституток. Даже некоторые из уголовных надзирателей считают очень тяжелым занятием стоять на посту в надзоре. Среди женщин душевные расстройства и всякого рода болезни. Сопротивляющихся и оберегающих свою женскую честь, протестующих против издевательств изводят карцером, тяжелыми работами и т. д. Зимой одну из сидевших в карцере, когда она, не выдержав мучений, начала там биться, кричать, плакать и бить стекла, солдат ближайшего поста просто пристрелил.

Так забывая, издеваясь всеми способами и просто убивая, приводят к полной покорности, к полному рабству женскую тюрьму. Хозяевами этого кошмарного существования многих изрезанных, заброшенных и лишенных всяких связей с покинутым ими миром людей, является Управление северных лагерей и команда надзора. Характерной чертой Соловецкого лагеря, как и других северных лагерей, является состав Управления и администрации. Только немногие из членов Управления сами не являются арестованными. Надзор, служба, канцелярия, большая часть непосредственной административной работы передана назначенным администрацией арестантам. Наружную охрану осуществляет команда красноармейцев. Однако же это особые красноармейцы. Деревенские парни вряд ли смогли бы проявить ту систему постоянного зверского истязания людей, которая укрепились на севере и в Соловках. Для этого нужны особые кадры людей, лишенные всего человеческого, людей без совести, без жалости. Такой кадр Управление вербует из арестантской среды. Среди посылаемых в Соловки за уголовные преступления чекистов преимущественно и выскиваются администрация и надзиратели, им дается привилегированное положение, они находятся в Соловках скорее на службе, чем в тюрьме. Зачастую им сбавляется срок и делается всякого рода милости. За это они должны нести непосредственный надзор за арестантами.